

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1/2 (41/42)

2019

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:
С.М. Косенок, д.пед.н., профессор

Редакционная коллегия:
Абрамовских Н.В., д.пед.н., профессор
Баканов С.А., д.ист.н., доцент
Бахмутский А.Е., д.пед.н., профессор
Гагай В.В., д.психол.н., профессор
Исаев В.И., д.ист.н., профессор
Исупов В.А., д.и.н., профессор
Ищенко О.В., д.ист.н., профессор
Карпов В.П., д.и.н., доцент
Кирилюк Д.В., к.ист.н., доцент
Лашкова Л.Л., д.пед.н., доцент
Логвин В.Н., д.ист.н., профессор
Насырова Э.Ф., д.пед.н., профессор
Повзун В.Д., д.пед.н., профессор
Прищепа А.И., д.ист.н., профессор
Пузанов В.Д., д.ист.н., профессор
Разуваева Т.Н., д.психол.н., профессор
Рассказов Ф.Д., д.пед.н., профессор
Семенов Л.А., д.пед.н., профессор
Синявский Н.И., д.пед.н., профессор
Солодкин Я.Г., д.и.н., профессор
Степанова Г.А., д.пед.н., профессор
Хадынская А.А., к.филол.н., доцент
Яковлев Б.П., д.психол.н., профессор

Выпускающий редактор:
О.В. Руднева, к.филол.н.

Переводчик:
М.О. Бенская

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru.

© БУ ВО «Сургутский государственный
университет»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
------------------	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Прищепа А. И. О начале формирования в Сургуте исторической школы.....	5
Курносов В. В. К вопросу статуса обских угров в военных походах сибирских татар (постановка проблемы).....	9
Задорожная О. А. Первая бумажная фабрика Сибири (купеческая династия Медведевых).....	14
Белоус П. В. Общества трезвости Западной Сибири в условиях «сухого закона» Первой мировой войны.....	21
Исаев В. И. Деятельность сибирских комитетов содействия народностям северных окраин по освоению арктических территорий во второй половине 1920-х гг.	26
Меркулова Л. В. Развитие лечебно-оздоровительного туризма в Сибири в 1920–1945 гг.	33
Книжников В. А. К характеристике транспортной системы Югры накануне открытия и в начальный период освоения нефтегазовых месторождений (1950–1960-е гг.)	36
Веселов С. И. Опыт строительства первых автомагистралей в Ханты-Мансийском округе в 1960-е гг.	43
Тимошенко А. И. Научно-технический прогресс в индустриальных отраслях Сибири в 1960–1980-е гг.	49
Попок В. А. Техническое обеспечение предприятий треста «Сургутгазстрой».....	56
Кузнецова А. А. Деятельность адвентистов седьмого дня и их взаимоотношения с властями в Западной Сибири в 1960–1970-е гг.	63
Давыдова А. О. Некоторые аспекты становления издательской практики на севере Западной Сибири в 1950–1970-е гг.	66
Кирилюк Д. В. Дискуссионные вопросы истории школьных библиотек Югры в 1985–1991 гг.	70
Сведения об авторах.....	76
Требования к оформлению материалов.....	78

Дорогие друзья!

Первый выпуск журнала посвящен неизвестным и малоизученным вопросам истории Сибири. Основное содержание статей связано с различными аспектами формирования инфраструктуры региона в целом и северных городов в частности в период активного освоения природных ресурсов Азиатской России. Так, исследователи уделяют внимание техническому обеспечению процесса освоения, дорожному строительству и всей транспортной системы в целом. В научных работах отражается историко-культурная эпоха, характеризуется развитие сферы образования, библиотечно-издательской деятельности, лечебно-оздоровительного туризма.

Ученые описывают неизвестные страницы развития региона: особенности взаимоотношений коренных народов, населяющих северный край, с другими этносами, жизненный уклад северян в разные периоды истории, формирование государственной политики в отношении малых народов, позиция власти в вопросах деятельности религиозных групп на территории Сибири и др.

Открывает номер статья доктора исторических наук, профессора Александра Ивановича Прищепы о становлении исторической школы в Сургуте. Среди авторов научные сотрудники Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук, преподаватели и обучающиеся Сургутского государственного университета, Нижневартовского государственного университета, а также специалисты историко-культурных и образовательных учреждений г. Сургута и других населенных пунктов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Надеемся, что очередной номер журнала заинтересует читателей и каждый из них найдёт полезный для себя материал.

С уважением
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 908(571.122Сургут)

Прищепа А. И.

Prishchepa A. I.

О НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СУРГУТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

THE BEGINNING OF FORMATION OF HISTORICAL SCHOOL IN SURGUT

90-летию со дня рождения И. П. Захарова посвящается

В статье охарактеризована краеведческая деятельность известного сургутского журналиста Ивана Прокопьевича Захарова, отражены основные вехи его творческого пути, общественные условия формирования научных интересов и результаты его исследовательского поиска. Подчеркивается значимость использованного им социально-антропологического метода и устной истории для современного методологического реформирования отечественной исторической науки.

The article describes the regional activities of the well-known Surgut journalist Ivan Prokopyevich Zakharov. The main achievements of his career, social conditions for the formation of scientific interests and the results of his research are presented. The importance of the social and anthropological method and oral history for the modern methodological reform of the Russian historical science is emphasized.

Ключевые слова: методология, краеведение, региональная история, журналистика, историография, научная школа.

Keywords: methodology, regional studies, regional history, journalism, historiography, scientific school.

Формирование научной школы историков в Сургуте мы связываем с не имеющим аналогов в развитии нашей страны уникальным цивилизационным скачком, произошедшим во второй половине XX века на территории северного села, именуемом Сургут. Здесь за короткий исторический срок был построен современный город, значимым этапом развития которого стало открытие в 1993 г. Сургутского государственного университета ХМАО – Югры, где в 2000 году был создан исторический факультет. В 2002 г. на его базе была открыта аспирантура, в которой за 17 лет ее функционирования подготовлено более 20 кандидатов исторических наук по специальности 070002 «Отечественная история».

Сегодня ее выпускники представляют утвержденную научным советом университета историческую школу, предметом изучения которой являются вопросы социально-экономического, политического и духовного развития ХМАО – Югры во второй половине XX – нач. XXI вв. В нее входят многие известные ученые Сибири и Урала, такие как Д. В. Кирилук, Е. В. Лешукова, И. Н. Стась, А. С. Иванов, П. В. Белоус, С. И. Веселов, продолжающие развивать сургутскую историческую исследовательскую традицию. Одновременно преподаватели Сургутского государственного педагогического университета в лице И. Г. Глушкова, Е. И. Гололобова, О. Н. Стафеева, В. Л. Некрасова, С. Г. Пятковой и их коллег вносили свой весомый вклад в историографию Сургута.

Однако у «сургутского научного исторического феномена» имеются и другие глубокие генетические корни. Они восходят к опыту сургутской журналистики, яркими представителями которой в 1950-1990-е гг. являлись такие мастера этого цеха, как Н. И. Ездаков, И. П. Захаров, Ф. Я. Показаньев, Л. В. Цареградская, В. В. Патранова, З. С. Сенькина, Г. В. Кондрякова, А. П. Зубарев, А. Ф. Ярошко, творчество которых основывалось на глубоком знании локальной истории и ее непосредственной связи с решением современных актуальных проблем промышленного и социального освоения новой нефтегазоносной провинции страны.

Особое место в этой когорте блестящих региональных публицистов занимал И. П. Захаров, который начинал свой творческий путь в середине 1950-х гг, когда после смерти И. В. Сталина в стране стали происходить важные политические перемены. Исторической вехой на этом пути стал XX съезд КПСС, разоблачивший «культ личности» и давший мощный импульс демократическому обновлению советского общества.

Тогда во многом оживилась духовная жизнь, постепенно освобождались от пут догматизма научное и художественное творчество, публицистика и журналистика. Их гуманизация и ориентация на повседневную жизнь требовали притока в сферы этой деятельности людей компетентных, знающих не понаслышке социальные и хозяйственные проблемы развития страны. После работы корректором, литсотрудником, заведующим различными отделами сургутской районной газеты «К победе коммунизма», в феврале 1956 года, (что примечательно, это был год и месяц работы XX съезда КПСС) И. П. Захаров назначается заместителем редактора этой газеты.

Однако главным делом жизни Ивана Прокопьевича являлась краеведческая работа. Производит большое впечатление масштаб охватываемых автором проблем весьма содержательный список книг и статей по истории Сургута и Сургутского района, вносящих заметный вклад в ту область знания, которую В. О. Ключевский называл «местной историей». Размышляя о содержании общей и местной истории, выдающийся российский историк отмечал, что при изучении последней «мысль углубляется в самые строения человеческого общества, в то, что производит эту причинную связь явлений, то есть самые свойства и действия исторических сил, строящих общежитие» [1, с. 33]. Изучение местной истории дает готовый и наиболее обильный материал для исторической социологии.

В этом смысле творческое наследие сургутского краеведа И. П. Захарова для современных профессиональных историков представляет огромную ценность. Подсчитано, что он написал 15 книг и опубликовал более 130 статей в различных сборниках и периодических изданиях [12]. Строгий методолог непременно выскажет сомнения по поводу научного уровня этих публикаций. Мы не станем возражать его аргументам в связи с действительным отсутствием в большинстве их необходимых архивных источников. В то же время подчеркнем несомненную ценность публикаций автора в современных условиях методологического реформирования отечественной науки и обращения ее к антропологическим аспектам исторических исследований, утверждения в них ценности устной истории, основанной на воспоминаниях участников событий и их непосредственной личностной оценки. «Малая история» И. П. Захарова является компенсатором нашего увлечения в прошлом монументальной историей фабрик и заводов и классовой борьбы.

Сам Иван Прокопьевич в своей автобиографии справедливо писал: «На моих глазах произошли все значительные перемены в жизни Сургута и района. Первые буровые вышки и нефтяные фонтаны, строительство города, прокладка трубопроводов и линий электропередач, железной дороги и крупнейшей в Сибири ГРЭС – все это и многое другое находило и продолжает находить отражение в моем скромном творчестве» [2, с. 7].

Глубокий интерес начинающего журналиста к истории своей «малой родины» предопределили демократические изменения в политической и духовной жизни советского

общества, произошедшие во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Удивительным образом хронологически они совпали с открытием в Западной Сибири крупнейших в стране месторождений нефти и газа. Эти эпохальные события предопределили роль и место И. П. Захарова в сургутской журналистике, проникнутой романтикой и ярким патриотизмом, основанном на глубоком интересе к региональной истории. Открытие нефтегазовых месторождений в Западной Сибири имело непростую судьбу. Идеи академика И. М. Губкина о перспективах нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности до середины 1960-х гг. поддерживали далеко не все ученые и практические работники. Экспедиция Ф. К. Салманова, дислоцированная в Сургуте, в течение четырех лет, с 1957 по 1961 г., безуспешно пыталась найти нефть в Сургутском районе. Эти бесплодные поиски порождали пессимизм и разочарование даже у самых стойких приверженцев теории И. М. Губкина.

Вопреки этим настроениям молодой сургутский журналист И. П. Захаров только в 1959 г. в газете «Путь к коммунизму» опубликовал шесть материалов, проникнутых оптимизмом и верой в успех «малоперспективной» (как многим тогда казалось) сургутской нефтеразведочной экспедиции. И.П.Захаров настойчиво и последовательно работал по этой новой для сургутских публицистов тематике. По его многочисленным краеведческим очеркам и статьям можно проследить историю открытий и промышленного освоения Сургутской нефтяной провинции и судеб людей, совершивших этот трудовой подвиг.

Несколько десяткой статей И. П. Захарова, освещающих трудное начало Сибирской нефтяной эпопеи, отличаются высоким уровнем достоверности, научной требовательности и охватывают широкий спектр производственной и социальной проблематики.

Однако наиболее трепетно И. П. Захаров относился к теме участия сургутян в обеспечении победы Советского Союза над фашисткой Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Одной из первых работ, в которой тема воинского и трудового подвига жителей Сургута была освещена наиболее полно, стала написанная им совместно с Н. Б. Патрикеевым книга «Сургут в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг. [3]. А через 20 лет будет опубликовано содержательное и глубоко прочувствованное выступление Ивана Прокопьевича на состоявшейся в мае 1995 года в Сургуте Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне[4, с. 29-31].

В полной мере всеохватывающий уникальный материал, собранный И. П. Захаровым о сургутянах-участниках войны, был систематизирован и опубликован им в пяти сборниках статей и документов «Защитники Отечества. 1941-1945 гг.», изданных в 1995-2000 гг. В них нашли отражение трудовые и боевые подвиги сургутян в военное лихолетье. Особую ценность имеют включенные в сборники документальные материалы и письма фронтовиков. Скорбный список безвозвратных потерь ветеранов войны и труда, помещенный в этих книгах, будет напоминать новым поколениям граждан России о цене победы в той войне [5-9].

Еще раз подчеркнем, что пристальное внимание к человеческой судьбе выгодно отличает краеведческое наследие И. П. Захарова от в целом «неодушевленной» отечественной историографии «доперестроечного периода». В его статьях мы находим яркие исторические портреты людей, внесших существенный вклад в экономическое, культурное и духовное развитие города Сургута и Ханты-Мансийского округа в прошлом и настоящем. Его работы по «локальной истории» являются своеобразной компенсацией недостаточного внимания «монументальной истории» к факторам географической среды и климатических условий, своеобразию материальной и духовной культуры «малой родины», ее исторической топонимики и демографии.

Этот и другой, собранный по крупицам «сургутский материал», нашел свое завершающее обобщение в капитальной краеведческой работе И. П. Захарова «Моя земля» [10], которую по праву можно назвать первой сургутской энциклопедией.

Краеведческая литература И. П. Захарова, а также его работы по историко-партийной тематике, народохозяйственным и социальным проблемам, вопросам истории культуры города дают возможность охватить все многообразие исторического процесса развития Сургута второй половины XX века и являются основой научной озабоченности современных историков Западной Сибири [см. подр.: 11, с. 3-11].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-860007/18 «Градостроение в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в годы его нефтегазового освоения».

Литература

1. Ключевский В. О. Сочинение в девяти томах. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М. : Мысль, 1987. 432 с.
2. Живая память. 75-летию Ивана Прокопьевича Захарова посвящается. Сургут : Нефть Приобья, 2004. 36 с.
3. Захаров И. П., Патрикеев Н. Б. Сургут в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Х-Мансийск, 1975. 48 с.
4. Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне : тезисы докладов 5-6 мая 1995 года. Екатеринбург : Изд-во СурГУ, 1995.
5. Захаров И. П. Защитники Отечества : сборник. Вып. 1. Сургут; Тюмень: СофтДизайн, 1995. 95с.;
6. Захаров И. П. Защитники Отечества : сборник. Вып. 2. Сургут : Нефть Приобья, 1996. 96 с.
7. Захаров И. П. Защитники Отечества : сборник. Вып. 3. Сургут : Нефть Приобья, 1997. 147 с.
8. Захаров И. П. Защитники Отечества : сборник. Вып. 4. Сургут : Нефть Приобья, 1997. 122с.
9. Захаров И. П. Защитники Отечества : сборник. Вып. 5. Сурут : Нефть Приобья, 2000. 184 с.
10. Захаров И. П. Моя земля. Сургут : Нефть Приобья, 1999. 216 с.
11. Прищепа А. И. Иван Прокопьевич Захаров в истории Сургута // Сургут в отечественной истории : Сборник тезисов докладов исторических чтений (г. Сургут, 8 июня 2005 г.). Сургут : Изд-во СурГУ, 2005. 164 с.
12. Культурное наследие Югры : Электронная антология. URL: <http://hmao.kaisa.ru> (дата обращения: 23.04.2019).

УДК 94(57)

Курносов В. В.
Kurnosov V. V.

К ВОПРОСУ СТАТУСА ОБСКИХ УГРОВ В ВОЕННЫХ ПОХОДАХ СИБИРСКИХ ТАТАР (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

ON THE STATUS OF THE OB-UGRIANS IN MILITARY CAMPAIGNS OF THE SIBERIAN TATARS: PROBLEM STATEMENT

В статье дается описание проблемы взаимодействия обских угров и сибирских татар в военной сфере. Военное сотрудничество народов Западной Сибири в Средневековье не было чем-то уникальным в истории Евразии и зафиксировано немногочисленными письменными источниками. Однако скудность сведений оставляет дискуссионным вопрос статуса обских угров в походах сибирских татар. Автор предлагает перспективные пути для дальнейшей разработки проблемы.

In the framework of this article, the author addresses the problem of the interaction of the Ob-Ugrians and Siberian Tatars in the military field. The military cooperation of the inhabitants of Western Siberia in the Middle Ages was not something unique in the history of Eurasia and was recorded by a few written sources. However, the scarcity of information leaves debatable the issue of the status of the Ob-Ugrians in the campaigns of the Siberian Tatars. The author offers promising ways for further development of the problem.

Ключевые слова: обские угры, сибирские татары, взаимоотношения, статус, союзники.

Keywords: Ob-Ugrians, Siberian Tatars, relationships, status, allies.

Одной из причин успешной завоевательной политики монголов в XIII в., позволившей им создать самую большую трансконтинентальную империю Средневековья, была их поразительная способность вести боевые действия силами покоренных народов. Очевидно, что монголы не были изобретателями подобной стратегии. В истории немало примеров того, как представители ядра государственного образования привлекали в проводимые им боевые операции, будь то набеги, завоевательные походы или защита родного домена, народы, входившие в полупериферию/периферию единой «мир-системы», причем примеры применения подобной стратегии можно встретить в разных концах Евразийского континента и в различные периоды. Это и группа племен теле, чьими силами, по меткому выражению Н. Я. Бичурина, тюрки «геройствовали в пустынях севера» [1, с. 301], это и славяне, совершавшие походы на Византию под воеводством авар, варягов [2, с. 204], это и поразившие современников своей жестокостью мокшане в западном походе Бату-хана на Восточную Европу [3, с. 110]. Не стала исключением в этом отношении и Западная Сибирь.

С образованием монгольской империи в XIII в. часть обских угров попадают в зависимость, которая, по мнению многих исследователей, состояла в уплате ясака и участии в совместных с сибирскими татарами боевых походах [4, с. 230; 5, с. 21]. Это соответствовало общеимперской политике, проводимой потомками Чингисхана в отношении покоренных народов.

О совместных военных выступлениях обских угров и сибирских татар исследователи обычно пишут, освещая события заключительного этапа существования Сибирского ханства Кучума. Этот этап дорусской истории наиболее освещен в письменных источниках, менее освещена история Тюменского ханства Ибака XV в. И,

несмотря на фрагментарность письменных сведений, которая порождает дискуссионность выводов по некоторым ключевым вопросам, факт существования угро-татарской коалиции не подвергается сомнению. Расхождения в позициях вызывает вопрос о статусе обских угров в военных походах сибирских татар, о характере взаимоотношений: вассальные, или союзнические, или же обские угры проводили свою независимую политику, в рамках которой имело место лишь совпадение интересов с южными соседями.

В Вычегодско-Вымской летописи за 1481 г. содержится наиболее раннее сообщение о набеге пелымского князя Асыки на пермские владения русского царя, эта военная операция, по мнению некоторых исследователей, была проведена совместно с тюменскими татарами. «Лета 6989 пришедшу Асыка князь с пелынскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожегл и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив. Узнав про то Андрей Мишнев со свои устюжаны поиде на Пермь, сугнав вогуличов под Чердыню побил и приплывшу по Каме реке туменских татар посекал» [6, с. 262]. По мнению В. В. Каргалова, тюменский хан использовал подвластное ему таежное население Западной Сибири в своей антироссийской политике [7]. Схожую позицию занимает В. А. Оборин, считающий, что в этот период набеги пелымских князей совершались при подстрекательстве сибирских ханов [8, с. 76]. Это предполагает некую зависимость Пелымского княжества от Тюменского ханства. Так, А. Т. Шашков прямо указывает на то, что пелымский князь в данном случае выступает как вассал тюменского хана Ибака [9]. Однако, по справедливому замечанию Д. Н. Маслюженко, в данном отрывке летописи не говорится о непосредственном участии сибирских татар в набеге пелымцев. По мнению автора, скорее всего, это были торговые люди, случайно оказавшиеся на пути преследовавших вогулов устюжан, либо описывается один из эпизодов столкновения между торговцами из-за контроля над сибирским товарооборотом [10, с. 94].

Очевидно, что для ситуации конца XV в. говорить о возглавляемой тюменским ханом Ибаком угро-татарской коалиции преждевременно. Согласно мнению некоторых исследователей, организованный Иваном III в 1583 году ответный поход на Пелымские и Югорские земли проходил по территории, не входивший в состав ханства [11; 12, с. 83; 13]. Соответственно, Пелымское княжество даже не имело общих границ с Тюменским ханством. Однако А. Т. Шашков, ссылаясь на самое раннее известие об этих событиях, содержащееся в вологодско-пермских летописцах, указывает на то, что русские ратники «побиша много татар Тюме[н]ских и Сибирь плениша и одолеша» [9, с. 13; 14, с. 270].

В 1505 и 1547 гг. отряды сибирских татар совершили еще набеги на Пермь Великую, но информация об участии в них обских угров отсутствует [9, с. 21]. Но подобная информация содержится в записанной Н. Катановом легенде, в которой против шейха Багауддина и воинов Шейбани-хана, пытавшихся насильственно исламизировать местное население, совместно выступили хотаны, ногаи, кара-кыпчаки и остяки [15, с. 18-28]. По мнению Д. Н. Маслюженко, описываемые события могли произойти в конце 1480-х гг. [10, с. 97].

Далее обские угры в походах сибирских татар появляются в источниках, описывающих события активизации внешней политики сибирского хана Кучума в 80-е годы XVI в. В 1573 г. племянник сибирского хана Маметкул совершает поход на Пермь, в ходе которого было убито множество остяков, плативших дань русским [4, с. 206]. После этого в 1580 г. татары с остяками совершают поход против русских владений на Урале. Согласно Строгановской летописи, организатором этого похода являлся Кучум: «Сибирский салтан с ратию иных остяков Чагира побил жителей городков чусовских» [16, с. 6]. Перед походом Ермака в 1581 г. пелымский князь Аблай-Керей совершил набег на Пермь, об этом пишет Г. Ф. Миллер со ссылкой на Ремезовскую летопись [4, с. 208], Строгановская летопись фиксирует еще один набег вогулов в этом году: «1581 г. приходил под Чердынь вогульский мурза Бекбелей Актаков с собранием вогульским да остятским»

[16, с. 9-10]. Причем в составе войска пелымского мурзы перечисляются множество мурз: сылвинские, косвинские, обвинские татары, остяки, вогулы, вотяки и башкиры [4, с. 12]. Вычегодско-Вымская летопись также фиксирует совместный поход жителей Зауралья: «Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пелынский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи, пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и Вымские погосты, Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял» [6, с. 267].

И хотя все летописи указывают на объединения угров и татар против общего врага в виде представителей Русского государства, исследователи по-разному характеризуют статус обских угров в этих конфликтах. Так, Н. В. Перцев предполагает, «что предводителями военных походов пелымцев стали ставленники сибирского хана, что в таком случае объясняет и наличие мусульман среди угров и татарские имена их предводителей» [17, с. 138]. Д. Н. Маслюженко исключает политическую зависимость Пелымского княжества от Сибирского ханства. Автор считает, что вогулы действовали самостоятельно, продолжая противостояние с русскими, начатое полтора столетия до описываемых событий. Исследователь сомневается, что в набеge Аблайгерима могли быть собраны «абсолютно разнородные силы, к которым примыкают мирзы и уланы, то есть командиры конных, в том числе ханских отрядов из Сибирского ханства». И объясняет это обстоятельство возможным желанием автора Строгановской летописи преувеличить важность этого набега для обоснования исходившей от Сибирского ханства опасности, за которой и последовало приглашение Ермака «с товарищи» [13].

Описание самого Ермакова взятия Сибири также содержит сведения о совместных действиях обских угров и сибирских татар. В Есиповской летописи сообщается о воззвании пелымского князя к Кучуму после нападения на него отряда Ермака, что послужило поводом для мобилизации всех сил ханства для отражения пришельцев: «множество много татар могучих и остяков, и пелымцев, и мноше языцы» [18, с. 120-121]. Погодинский летописец добавляет: «В мале же времени собрашась к нему множество татар и остяков, вогуличи и нии языцы яже под его властью» [18, с. 131].

Но угро-татарская коалиция оказалась непрочной и распалась после первого испытания. Сибирские летописи сообщают о бегстве остяков и вогулов после поражения Кучума на Чувашском мысу [16, с. 24-25; 8]. Г. Ф. Миллер по этому поводу писал: «все остяки из местности по Иртышу, которых хан вызвал для усиления своего войска, покинули его и со страхом разбежались по своим юртам» [4, с. 230-231]. Примечательно, что через четыре дня демьянский князь Бояр выразил покорность Ермаку. «Прииде во град Сибирь остяцкой князь именем Бояр со многими остяки и принесоша Ермаку атаману с товарищи многие дары: соболи добрые, лисицы бурые, куницы черныя. бобры порешны черныя и запасы всякие, яже на потребу им» [18, с. 122].

Согласно Г. Ф. Миллеру, остяки из местности по Иртышу были вызваны Кучумом, что предполагает их подчиненный статус. С. В. Бахрушин со ссылкой на летопись Ремезова называет в числе подручников Кучума кондинских (вероятно, кодских) и обдоринских (обдорсккх) князей, в частности кодский князь Алач фигурирует в его рассказе как влиятельный союзник Кучума, которому по дележу достался один из «пансырей» Ермака [5, с. 28]. Понятие «подручники» В. В. Трепавлов объясняет «как союзники, младшие по иерархическому рангу» [19, с. 51]. По мнению автора, в отличие от угро-, тюрко- и кетоязычных племен, расселявшиеся по периметру Сибирского ханства, Пелымское княжество считалось союзником хана. Княжество обладало значительным военным потенциалом. Именно статус союзника Кучума и предопределил разгром Пелымского княжества в 1593 году [19, с. 51]. Схожую позицию занимает А. Т. Шашков, считая, что Пелымско-Кондинское, Белогорское, Кодское княжества, «были скорее не

вассалами, а союзниками Сибирского ханства, тесно связанными с ним торговыми отношениями» [9, с. 23].

Таким образом, исходя из данных письменных источников, можно с уверенностью говорить о совместных военных действиях обских угров и сибирских татар, по крайней мере, на заключительном этапе существования дорусской государственности. Хотя не исключено, что подобные контакты могли быть и в конце XV в. В то же время низкая информативность письменных источников продолжает вызывать дискуссии в вопросе статуса обских угров. Мы видим определенные перспективы в дальнейшей разработке исследуемой темы при учете следующих факторов: во-первых, при комплексном привлечении сведений письменных, археологических и этнографических источников, во-вторых, с учетом изучения опыта взаимоотношений кочевников с оседлыми народами в общем и монголами в частности, в-третьих, учитывая специфику внутреннего устройства Сибирского ханства Кучума, и, в-четвертых, опираясь на опыт взаимоотношений русской администрации с местным населением, ведь, как метко замечал С. В. Бахрушин, «московское правительство унаследовало такой строй отношений от предыдущей эпохи и, что таков был характер зависимости остяцких князьков от Кучума» [5, с. 52].

Литература

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. [Центральная Азия и Южная Сибирь. Общий взгляд на Монголию в связи с прочими среднеазиатскими странами]. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
2. Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.
3. Рогерий Магистр. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб. : Дмитрий Булганин, 2012. 310 с.
4. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л. : Издательство АН СССР, 1937. 607 с.
5. Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI – XVII веках. М. : Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.
6. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихьевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257-271.
7. Каргалов В. В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 177–182.
8. Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1990. 169 с.
9. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири. Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2003. Вып. Евразийское пограничье. С. 8-51.
10. Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века : монография. Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2008. 168 с.
11. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М. ; Ньютонвиль, 1993. С. 148-150.
12. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака / отв. ред. Р. С. Васильевский; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1986. 317 с.
13. Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А. Сибирско-Московские отношения // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 116-130.
14. Клосс Б. М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М. : Наука, 1976. С. 275-276.

15. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн. 12. С. 133-146.

16. Сибирские летописи. СПб. : Изд. Имперской Археографической комиссии, типография И. Н. Скороходова, 1907. 462 с.

17. Перцев Н. В. Татарские ханства и Угорские княжества Западной Сибири // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 131-140.

18. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 255 с.

19. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш / Ин-т российской истории РАН. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.

УДК 334.012.22(091)(571.1)

Задорожная О. А.
Zadorozhnaya O. A.

**ПЕРВАЯ БУМАЖНАЯ ФАБРИКА СИБИРИ
(КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ МЕДВЕДЕВЫХ)**

**THE FIRST PAPER MILL IN SIBERIA:
THE MEDVEDEV MERCHANT DYNASTY**

В статье рассматривается проблема становления и предпринимательской деятельности рода тульского оружейника В. Медведева в столице Тобольской губернии в течение XVIII – XIX вв. Семейство Медведевых относится к классической модели традиционного типа: после накопления капитала начинается его дробление между наследниками, наблюдается диверсификация капитала и т.д. Хотя первоначально сыновья основателя стремились вести коммерческие дела вместе, для чего была открыта бумажная фабрика, но далее их потомки изменили род деятельности. Целью предпринимательских занятий было получение большого дохода, но не стремление к стабильной прибыли.

The article considers the problem of the early days and entrepreneurial activity of the Tula gunsmith V. Medvedev's family in the capital of the Tobolsk Governorate during the 18th and 19th centuries. The Medvedev family belongs to the classical model of the traditional type: after the accumulation of the capital, it is split between the heirs; there is diversification of the capital, etc. Initially, the sons of the founder sought to conduct business affairs together, for that reason the paper mill was opened. However, their descendants changed their occupation. The purpose of entrepreneurial activities was the obtaining of a large income, but not the desire for a stable profit.

Ключевые слова: купец, гильдия, бумажная фабрика, промышленное производство.
Keywords: merchant, guild, paper mill, industrial production.

В числе оружейников, присланных Петром I на тобольский оружейный завод в начале XVIII века, были мастера из Тулы – Медведевы [20, с. 1]. После закрытия предприятия ремесленникам был предоставлен выбор: остаться в Сибири или вернуться в Европейскую Россию. Так Медведевы стали сибирскими жителями, занимающимися профессионально ремесленным, а затем промышленным производством. Особую известность роду принес посадский человек Варфоломей Медведев. Он являлся владельцем небольшой мастерской по изготовлению железных изделий в Тобольске, его товары доставлялись даже на границу с Китаем. Первоначально регионом для сбыта произведенной продукции была Сибирская губерния, включающая территорию от Уральских гор до Дальнего Востока, так как даже «свободные» ремесленники не могли покинуть Зауралье без специального разрешения властей. Поездки по обширному и малоосвоенному району способствовали тому, что профессиональные мастера стали заниматься меновой торговлей. Порой они отсутствовали продолжительное время в Тобольске, посещая различные ярмарки и торговые сборы в Зауралье из-за отсутствия устоявшегося рынка. Сыновья Медведева – Евсей, Антон и Иван – по семейной традиции стали цеховыми ремесленниками и прославились как высококвалифицированные мастера. Они расширили отцовское предприятие, наняв подмастерьев и учеников. В этот период Медведевы получили право на свое семейное клеймо, которое они ставили на изделиях. Вскоре каждый из братьев открыл собственное ремесленное заведение. Полученные средства они вкладывали в коммерческие операции, например, занимались казенными

откупам, подрядами, скупкой ремесленных изделий у своих коллег для вывоза за пределы региона и т.д. Однако длительное отсутствие в городе, нестабильная обстановка в пограничных территориях придавали торговле характер рискованного занятия. Как правило, представители ремесленного сословия – люди уравновешенные, предпочитающие домашнее тепло длительным поездкам. Поэтому в 40-х гг. XVIII века братья Медведевы обратились к губернатору А. М. Сухареву с просьбой о разрешении организовать крупное промышленное производство, которое бы способствовало экономическому развитию региона в рамках государственной политики.

10 мая 1744 года Медведевы по совету местных чиновников отправили прошение об организации бумажной фабрики в Тобольской округе в Мануфактур-Коллегию. Они указывали на высокие цены на привозимую бумагу московскими купцами, а фабрика в Сибири отвечала бы интересам региона и приносила бы «пользу и славу» Отечеству [20, с. 1; 23, л. 9-11об.]. Так, при покровительстве тобольского губернатора и местной администрации ремесленники получили не только разрешение, но и ряд привилегий. В Указе Мануфактур-Коллегии говорилось: «Им Медведевым купить людей и крестьян доста человек також и под пристройку фабрики земли столько сколько под строение оной фабрики принадлежит и не на пашню отвести..., а жее ли нет то нанять им добровольною ценой и означенных людей вольные работы кроме надлежащих до той фабрики мастерства не употреблять» [1, с. 42–43; 22, с. 163–166]. Место для организации промышленного производства было выделено на берегу реки Суклеме в 15 верстах от губернской столицы. Строительство нового предприятия проходило довольно сложно из-за отсутствия специалистов в регионе, незнания технологии, поисков сырья и т.д. Купцы вложили в это мероприятие более 5 тысяч рублей, при этом их объявленный капитал составлял всего 500 рублей. Так были построены фабричные помещения, приобретался инструмент, различные приспособления. Главная проблема состояла в отсутствии квалифицированных специалистов, поэтому первоначально выпускались пробные партии. Владельцы были мало знакомы с технологией промышленного производства, осуществляли только общее руководство. В первое время выпускалось небольшое количество продукции, которая не окупалась и приносила одни убытки. Немаловажную роль сыграла поддержка и помощь местной власти, которая выкупала даже некачественную продукцию. Кроме того, купцы рассчитывали совмещать промышленную и торговую деятельность, что также отвлекало их от нового занятия. К промышленному занятию братья стали привлекать своих родственников и партнеров. В семьях подрастали дети, и приходилось выделять начальный капитал для сыновей и приданое для дочерей. Хотя браки способствовали появлению в семействе дополнительных средств, но вводили в него новых людей со своими взглядами, привычками, что приводило к конфликтам. Старший Евсей женился на дочери служилого человека, Ефимии Осиповне Миловановой, получив приданое и более важное – социальный статус новых родственников в городском обществе Тобольска. Женой среднего Медведева, Антона, стала дочь посадского человека Федора Ивановича Шалгина. Более выгодным для семейства оказался брак Ивана с дочерью тобольского купца Устиньей Ивановной Кузнецовой. Породниться с владельцами монопольного промышленного предприятия было престижно с точки зрения тобольских обывателей.

Со временем братья передали торговую деятельность родственникам и доверенным лицам, а сами занялись промышленным производством. В Российской империи XVIII века выпускалось двадцать видов бумаги, для ее изготовления сырьем служило хлопчатобумажное и льняное тряпье. Поэтому существовала прямая зависимость между объемом произведенной продукции и объемом скупаемого у населения сырья, что сдерживало развитие предприятия. По данным источников, фабрика тобольских купцов Медведевых занимала в общероссийском списке по значимости одиннадцатое место. Здесь производилось сразу несколько сортов бумаги: писчая (№ 1, № 2, № 3, № 4), полуалександрійская, картузная и др. В 1761–1763 гг. было изготовлено 4 610 стоп

различных сортов бумаги на общую сумму около 4 781 рублей 50 коп. [1, с. 44; 14, л. 5]. Традиционно средства, вложенные в промышленное предприятие, окупались в течение первого десятилетия. В начале своей деятельности купцы сбывали всю выпускаемую продукцию в регионе, так как с установленной государственной монополией главными «обязательными» потребителями бумаги становились административные учреждения Сибири, Урала. Так, с одной стороны, Медведевы являлись фактическими бумажными монополистами в Сибири, с другой – они были привязаны к различным ведомствам, которые могли влиять на промышленное производство. Все эти обстоятельства влияли на стоимость и условия поставки товара. В 1763 году прапорщик драгунского полка Ряпков сообщал в вышестоящие организации о том, что купец Г. Медведев должен поставить пущую бумагу № 2 – пять стоп (стоимостью стопы 1 рубль 05 коп.), № 3 – 10 стоп (85 коп.) «добротою, как и в прошлом году» [2 л. 467; 25, с. 99]. Со временем промышленник, учитывая свое исключительное положение, требовал увеличения размеров оплаты из-за значительных транспортных и других дополнительных расходов.

На бумажной фабрике Медведевых постоянно было занято несколько десятков человек, в основном из государственных крестьян (в источниках 1778 года упоминались четыре крепостных мастера, восемь приписных и тридцать три вольнонаемных ремесленника). При этом в литературе указывается, что купцы не воспользовались предоставленной привилегией на покупку ста крепостных, но наличие у семейства нескольких сотен саженой пахотной и сенокосной земли вызывает некоторые сомнения. Со временем фабрика стала приносить стабильный доход – более двух тысяч рублей в год, а владельцы пытались расширять производство за счет найма дополнительных работников. Но использование устаревших технологий, примитивных механизмов, низкоквалифицированных рабочих не позволяло изменить ситуацию. Кроме того, Медведевы остались, по сути, цеховыми ремесленниками, а их заведение больше напоминало громадную мастерскую.

В связи с изменением государственной политики сохранить монопольного положения бумажной фабрики потомки Ивана и Евсея не смогли. Став самостоятельными владельцами, молодые предприниматели строили планы по увеличению объемов продукции, взяв на эти мероприятия значительные средства в долг. Надежды на быструю прибыль, помощь администрации не оправдались, поэтому Ефим и Федор Евсеевичи вынуждены были продать свою долю предприятия зятю – тобольскому купцу Василию Яковлевичу Корнильеву за 6 750 рублей. Так у Федора, Андрея и Матвея Ивановичей появился новый компаньон, который имел опыт промышленного производства. Между совладельцами был заключен договор, где утверждалась новая схема организации производственного процесса, изменялся принцип управления предприятием и т.д. Так, промышленники делили поровну не только прибыль и затраты, но и несли ответственность своим имуществом за принятые решения. Подобные компании уже существовали в регионе и действовали успешно, так как способствовали более рациональному использованию мощностей предприятий, проведению предварительных расчетов перед сомнительными операциями, расширению производства и региона сбыта продукции из-за заинтересованности участников. Василий Корнильев серьезно относился к договору и соблюдал все его положения. Братья Медведевы из-за неудач передали полностью свои права по фабричному производству компаньону, а сами занялись торговыми операциями с Китаем. Однако расчет на быструю прибыль от коммерческих операций не оправдался, и Медведевы разорились, выдавая необеспеченные векселя. Фактически Василий Яковлевич способствовал этому процессу: он начал выкупать долговые обязательства своих партнеров у кредиторов. Когда ценных бумаг было куплено на 7 тысяч рублей, купец предъявил их к оплате. Вскоре по решению администрации Корнильев стал единственным собственником бумажной фабрики. Однако он оставил одного из бывших владельцев, Ивана Ивановича Медведева, в качестве наемного управляющего бумажной фабрикой.

Занимаясь промышленным производством, купец третьей гильдии И. И. Медведев проживал на Аремзянской бумажной фабрике вместе с семейством – женой и четверыми детьми из-за отсутствия собственного жилья в городе.

Но вернемся на несколько лет назад, в 1783 год, когда между наследниками Варфоломея Медведева начался процесс по разделу наследства, который сопровождался скандалами, конфликтами и даже судебными наказаниями. Имея незначительный капитал, братья Федор, Андрей и Матвей записались в мещанское сословие по городу Тобольску, поэтому их основным занятием стала мелочная торговля в собственных лавках на рыночной площади. Известно, что братья рано обзавелись семьями. Федор женился на купеческой дочери Татьяне Козьмовне Русаковой, которая была несколько старше своего избранника. Супруга Медведева имела собственное дело – торговлю хлебными продуктами на рыночной площади. Их наследник, сын Иван, состоял, по данным четвертой ревизии, в мещанском обществе, по пятой – в третьей купеческой гильдии по Тобольску. Молодой человек владел собственным домом, несколькими лавками и недвижимостью в городе и имел обширные деловые связи в регионе. Его дядя, Матвей Иванович, взял в жены мещанскую дочь Авдотью Родионовну Долгушину. Благодаря средствам, полученным в качестве приданого, молодая семья приобрела собственный дом в первой городской части. Сам Матвей, по данным источников, занимался различными наемными работами в ремесленных мастерских, его супруга торговала в собственной мелочной лавке продуктами питания. Однако их дети, Зиновий, Алексей и Мария, получили только домашнее образование, так как с детских лет вынуждены были работать в семейных лавках.

После семейного раздела старшие Ивановичи – Григорий и Иван – состояли в третьей купеческой гильдии по Тобольску и специализировались на розничной торговле в сельской округе. Как уже отмечалось, после продажи своей доли в бумажном производстве Иван Иванович остался в качестве наемного служащего. Статус промышленников и авторитет Ивана в городском обществе позволил ему породниться с известным предпринимателем – тобольским купцом Иваном Сыромятниковым – после женитьбы на его дочери Наталье. Этот брак был оформлен как договор со множеством условий, которые поставили новые родственники. Купцу приходилось делать значительные усилия, чтобы обеспечить семью: будучи наемным работником, он занимался торговым промыслом и ремеслом [12, л. 212об.]. В целом коммерческое предприятие дело не имело единой направленности, что, возможно, позволяло поддерживать социальный статус семейства. При этом Наталья Ивановна не оказалась избалованной дочерью состоятельных людей, в родительском доме ее обучали не только грамоте, но и основами торгового промысла. Поэтому при заключении брачной сделки женщина настояла на том, чтобы ей позволили вести самостоятельную торговую деятельность и выделили в собственность лавку и складские помещения. Также купчиха поддерживала деловые отношения с партнерами своего отца и супруга, что сказывалось на прибыли.

И. Медведев неоднократно баллотировался на различные должности в городские органы самоуправления. Кроме того, он пользовался поддержкой и уважением не только коллег и партнеров по деловому миру, но и рабочих людей на фабрике. Будучи в 1808 году гильдейским старостой, Иван Иванович обратился к городскому голове И. Т. Куклину с запиской о нарушении купеческих прав на монопольную оптовую и розничную торговлю некупеческими слоями населения. Чтобы избежать социального конфликта и не нарушать сложившиеся предпринимательские связи, он предложил записать всех торгующих людей в гильдии, что приносило бы значительную пользу не только этому сословию, но и городской казне [3, л. 308–308об.; 8, л. 39–42]. Право свободной торговли в Сибирском крае для всех слоев общества, по мнению составителя прошения, должно ограничиваться ассортиментом товара, его количеством, местом торговли и т.д. После смерти супруга во

главе торгового дела стала Наталья Ивановна, которая вместе с детьми состояла в третьей гильдии. Деловая хватка и расчетливый характер женщины проявлялись в домашней среде. Так, она удачно выдала замуж своих дочерей: Анну – за верхотурского купца И. Панакова, Елену и Наталью – за тобольских купцов Г. Пирожникова и А. Гневышева [5, л. 43–43об.]. Отметим, что купеческие дочери принесли в новые семьи не только приданое, но и традицию – право женщины быть самостоятельной не только в домашних делах, но и в выборе занятия.

Еще один сын Ивана Варфоломеевича – Григорий, получив свою долю семейного капитала, состоял в купеческом обществе Тобольска. Большую роль в дальнейшем сыграла потеря промышленного предприятия, что освободило предпринимателя от многих забот. Возможно, поэтому он стал уделять внимание общественной службе, но она способствовала укреплению социального статуса семейства: в 1758 году купец был избран земским старостой, в 1763 году – соляным Головой, затем – ратманом, гласным и т.д. [13, л. 6, л. 8, л. 142, л. 146, л. 226, л. 245, л. 290]. Совмещение общественных должностей и коммерческого интереса позволило при наличии небольшого капитала в 2 020 рублей заключать договора на поставку продуктов питания и предметов первой необходимости в сельскую местность Тобольской губернии с Ирбитской, Кяхтинской, Иркутской ярмарок. Во время пожара 1788 года у купца Г. Медведева сгорел дом, товар в гостином дворе на сумму 1 200 рублей. [4; 6; 8, л. 39; 9, л. 245; 10, л. 418]. Эти обстоятельства подтолкнули торговца переехать на время в Верхотурье, где у него была усадьба и ряд торговых помещений. Здесь он по-прежнему состоял в третьей гильдии. Вслед за мужем на новое место жительства перебралась жена Анна Ивановна (в девичестве Паклина) и младшая дочь Наталья, так как старшая вышла замуж за компаньона своего отца П. Ершова и осталась в Тобольске [15, л. 70 об.–73 об.]. Но он поддерживал связи с родным городом, например, на протяжении ряда лет Г. Медведев судился со своей мачехой Устиньей Ивановной (второй женой отца) по поводу раздела отцовского имущества. Как оказалось, вдова незаконно продала наследственную усадьбу, которая в долях принадлежал всем купеческим сыновьям. Однако братья оставили этот вопрос и не стали ссориться с родственницей. Григорий Иванович настаивал, чтобы ответчица справедливо разделила вырученные средства, но купчиха не торопилась выполнять решение даже губернского суда. Что это – принципиальность или возможность решить некоторые материальные проблемы, которые возникли после банкротства династии [24, л. 75]? Вероятно, последнее, так как в 1812 г. Медведев вынужден был взять под значительные проценты кредит у тобольского мещанина Кобылина, который возвращала его вдова. Семья тобольского купца осталось в Верхотурье, где было небольшое торговое предприятие в виде нескольких розничных лавок. По завещанию большую долю капитала и участие в семейных коммерческих операциях купец передал своим племянникам при условии выплаты ежегодно части прибыли вдове и выделения приданого для второй дочери [13, л. 1–4об.].

Соответственно, основным наследником капитала братьев Ивана и Григория Медведевых стал Дмитрий Иванович [9, л. 245; 10, л. 418]. Полный энергии и планов, молодой человек стремился возродить славу династии Медведевых, да и в его руках сосредоточились значительные средства. Ему удалось стать главой многочисленного семейства, соединив в своих руках все деловые и родственные отношения. Однако его обязанности были обширными: он содержал своих сестер и мать, а также двоюродную сестру и тетку. Вместе с тем объединение капитала принесло и положительные результаты – Дмитрий записался во вторую гильдию, что позволило расширить сферу предпринимательства. Уже в 1813 году доверенный человек Медведева доставил в Тобольск и Верхотурье с Иркутской ярмарки китайский товар, в основном чай [6]. Сам же купец занимался непосредственно меновой торговлей со Степью. Он постоянно участвовал в Петропавловской, Семипалатинской ярмарках, где покупал скот, изделия

скотоводства, меха степных животных, бухарский и хивинский товар. Д. Медведев вместе с компаньонами отправлял торговые караваны на юг Средней Азии. Сам предприниматель стремился проконтролировать все значимые коммерческие операции, например, в 1816 году он в качестве караванного старосты доставил товар из Медянских юрт через Иркутск на Макарьевскую ярмарку [7, л. 456]. На полученную от торговой деятельности прибыль Дмитрий Иванович приобрел мыловаренный завод в Тобольске. Рядом с промышленным заведением купец выстроил господский дом, хозяйственные постройки для собственного семейства. Вскоре удачливый делец оставил беспокойную дорожную жизнь и занялся собственным производством. Причинами такого решения являлись не только возраст и хорошо устроенные деловые связи, но и семейные проблемы: Дмитрий Иванович сам воспитывал единственную дочь Марию после смерти супруги. Основным источником дохода стало мыловаренное заведение, которое приносило ежегодно свыше одной тысячи рублей. Кроме того, купец был владельцем торговых лавок, шалашей и прилавков в разных населенных пунктах Тобольской губернии. Все это позволило Дмитрию Ивановичу активно включиться в общественную жизнь родного города и региона [14, л. 5; 24, л. 315–316об.].

В документах XIX века есть множество упоминаний о потомках Варфоломея Медведева. Так, Иван Петрович принадлежал к ветви Антон – Яков – Петр. Последний из упомянутых потомков купца Варфоломея являлся владельцем 508 сажень городской земли, которая использовалась для размещения торговых обозов иногородних жителей. В 1825 году И. П. Медведев купил у тобольского купца Н. С. Пиленкова за три тысячи рублей новое предприятие – стекольную фабрику. Чтобы восстановить производство, он переселился непосредственно на территорию предприятия. Вскоре фабрика стала работать круглый год, хотя объем произведенной продукции при новом владельце увеличился незначительно. В целом производственный процесс зависел от особенностей развития сельского хозяйства в округе, так как основными работниками были государственные крестьяне Ялуторовской волости. Основная проблема для предпринимателя заключалась в том, что фабрика стояла на арендованной земле у местных сельских обывателей и купец ежегодно вынужден был «брать» у крестьян письменное согласие на продолжение ее работы, «дабы не загрязнялся воздух и не было много битого стекла» [11, л. 1–1об.].

Многие представители семейства Медведевых продолжали заниматься предпринимательской деятельностью в Западной Сибири в XIX – начале XX вв., но, как правило, на небольшой капитал [12, л. 214]. Так, тобольский мещанин Петр Алексеевич Медведев вкладывал средства в скупку и поставку сырья для различных видов производств. Он с женой Екатериной Семеновной проживал в собственном доме по улице Старо-Островская [16, л. 108–109об.]. Его родственница, купеческая вдова Мария Васильевна, занималась мелочной торговлей в собственной лавке, унаследованной от мужа [17, л. 70–72об.; 18, л. 11–11об.]. Ее дочери – Евдокия и Анна – окончили Мариинскую женскую школу, а сын Михаил – мужское училище. Их родственница, Ирина Андреевна Медведева, проживала по Ивановской улице в собственном доме. Мелочной торговлей она занималась вместе с вдовой Александрой Федоровной и ее сыном Федором Андриановичем и невесткой Федосьей Осиповной [19, л. 99об.–100].

Таким образом, обобщенный представитель династии Медведевых представляет собой традиционного купца, который стремится накопить первоначальный капитал в ремесле, торговле. Но дальнейшее его применение связано с диверсификацией, даже попытки вложить часть капитала в промышленное производство связаны с желанием его сохранить. При этом сочетание торгового и промышленного предприятий не всегда оправданы, так как ощущается постоянная нехватка свободных средств, купец берет деньги под большие проценты. Исследование показало, что из довольно большой купеческой династии только единицы остаются в первой или во второй гильдии,

остальные занимаются розничной торговлей, мелко-кустарным производством или становятся приказчиками при более удачных земляках.

Литература

1. 400 лет Тобольску : сб. документов и материалов. Свердловск : Сред.-Урал.кн.изд-во, 1987. 254 с.
2. Государственный архив Омской области. Ф. 1. Оп.1 Д. 116.
3. Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 6. Оп. 1. Д. 62.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д.49.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 8. Оп. 1. Д. 951.
8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.154. Оп. 8. Д. 84
9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф.154. Оп. 8. Д. 290.
10. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 346.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 5. Д. 41.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 10.
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1.
14. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2.
15. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 369. Оп. 2. Д. 4.
16. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3.
17. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 15.
18. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 21.
19. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 26.
20. Ежегодник Тобольского музея. Тобольск: Тип. епарх. Братства, 1916. 308 с.
21. Задорожная О. А. Крупное промышленное производство купечества Тобольской губернии (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX вв.) // XVI Междунар. науч. чтения (памяти И. И. Шувалова) : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (15 окт. 2017 г.). М., 2017. С. 37–42.
22. Копылов Д. И. Обработывающая промышленность Западной Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Свердловск : Изд-во СГПИ, 1973. 264 с.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 397. Оп. 1. Д. 25.
24. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. Обывательская книга Тобольска. 1818–1821 гг. (ТГИАМЗ).
25. Тобольск XVII–XVIII столетия. М. : Типография Волчанинова, 1885. 144 с.

Белоус П. В.
Belous P. V.

**ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
«СУХОГО ЗАКОНА» ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**SOBRIETY SOCIETIES IN WESTERN SIBERIA IN CONDITIONS
OF “DRY LAW” IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR**

Существует точка зрения, согласно которой масштабы народного пьянства в начале XX века были катастрофичными. Также имеется немалое количество трудов, утверждающих обратное. В данной статье на основе фактов и мнений современников рассматриваются проблемы пьянства, а также деятельность обществ трезвости в территориальных рамках Tobolsk eparchy в годы Первой мировой войны.

There is a point of view, according to which drunkenness in Russia at the beginning of the 20th century acquired enormous proportions. There is also a considerable number of works claiming the opposite. The article describes the problems of drunkenness and the activities of sobriety societies in the Tobolsk eparchy during the Great War, 1914–1918, based on the facts and opinions of contemporaries.

Ключевые слова: общество трезвости, Tobolsk eparchy, Западная Сибирь, пьянство, Первая мировая война.

Keywords: sobriety society, Tobolsk eparchy, Western Siberia, alcoholism, the Great War.

В период с 1894 по 1902 гг. происходила постепенная монополизация торговли водкой в России. Данный шаг правительства имел своей целью контроль за производством и распространением в стране алкогольной продукции. Одновременно с этим в России началось создание братств и попечительств о народной трезвости. В 1900 г. на нужды последних государство выделило 2 млн. 700 тыс. рублей; средства были получены из дохода казны от питейных сборов.

22 августа 1914 г. был издан царский указ, запрещающий производство и продажу всех видов алкогольной продукции на территории Российской империи. Проводилась государственная кампания против алкоголизма при активной поддержке Церкви. Хотя еще до публикации документа, 9 июля 1914 г., по Указу императора и Святейшего Синода, духовенству было рекомендовано принять меры по прекращению торговли спиртными напитками в воскресные и праздничные дни [1, с. 345]. Инициатива исходила не только от Синода, но и от некоторых архиереев и рядового духовенства [2, л. 31; 3, л. 32об.]. В обществе тема пьянства вызвала активное обсуждение. Крестьяне не оставались безучастными: жители деревень общими советами принимали решение о закрытии винных лавок в своих селах [4, с. 608].

29 августа в Tobolsk совершили благодарственное пение Богу, «положившему на сердце Царю начать нравственное обновление русской жизни» [2, л. 121]. В епархиальной печати началась активная пропаганда трезвого образа жизни, публиковались статьи, заметки, народные пословицы о вреде алкоголя [5, с. 136]. Пьянство именовалось рабством худшим, чем крепостное право, причиной душевной и физической деградации, нищеты, разложения нравов [6, с. 521–522]. Водка называлась причиной болезней, расстройства семейной жизни, бедности, упадка хозяйства, некультурности, преимущественной причиной убийств и драк; упадка благочестия. Наконец, человек,

подверженный недугу пьянства, становился совершенно невыносимым в общении и потерян для общества [7, с. 607].

Теперь же люди «ожили для семьи, общества и государства как работоспособные труженики» [8, с. 421]. Современники писали о снижении количества преступлений после запрета алкоголя, увеличении достатка в семье, улучшении нравственного климата. Уменьшились ссоры и сквернословие, все более распространялось вежливое общение, практически сошли на нет случаи краж. Сами крестьяне свидетельствовали: «Не надо нам водки, она нас разоряла и портила. Без нее будем богаты и счастливы» [8, с. 421].

«Хотя сельское население очень скоро научилось варить домашнее пиво и другие напитки, результаты запрета пьянства налицо» [6, с. 521], – докладывало в своем отчете Епархиальное братство во имя великомученика Димитрия Солунского. Благодаря запрету (а также урожайному году) сельчане значительно улучшили свое материальное положение: зажиточные приумножили свое состояние, беднейшие «приоделись» и мечтали о расширении хозяйства [6, с. 521]. Благодичный г. Тобольска обращался к епископу Варнаве с просьбой высказать императору верноподданническую благодарность за изъятие вина из народного потребления [3, л. 302об.]. Духовенство выражало надежду на запрет спиртного навсегда и просило епископа обратиться к императору с таким предложением [8, с. 421].

Позитивное отношение к царскому указу ярче всего выражалось в бесчисленных ходатайствах властей и общественных организаций: губернаторов и уездных земских собраний, городских дум, торгово-промышленных обществ, волостных и сельских сходов, рабочих организаций, университетов, обществ трезвости, епархиальных съездов духовенства, отдельных групп обывателей и т. д. В их решениях приветствовалось решение правительства запретить продажу спиртных напитков, отмечались продуктивные результаты этой меры и высказывались пожелания о сохранении «сухого закона» в дальнейшем. В некоторых предложениях говорилось о запрете до окончания войны, но большинство настаивало на необходимости полного запрета алкогольных напитков навсегда [9, с. 13].

Следует подчеркнуть, что всеобщей идеализации запрета на потребление и производство алкоголя не было. Отдельные современники понимали, что подобное действие запрета рано или поздно может вызвать противодействие неповиновения: «Думаю я, что год-два промаются и опять вино откроют, то-то бед натворят!» [4, с. 614] – писали в «Тобольских епархиальных ведомостях» от 8 декабря 1914 г.

С запретом продажи алкогольных напитков прекратилось и вступление в члены обществ трезвости [10, с. 403]. К осени 1915 г. констатировался факт охлаждения обществ к своей деятельности, многие из них фактически прекратили свою работу [12, с. 765]. Равнодушие обществ к дальнейшей деятельности было названо «опасным и ошибочным самообольщением» [12, с. 765]. Потому как «пьянственный недуг настолько глубоко пустил свои корни» [11, с. 765], что выкорчевывать порок придется долгие годы. Водки нет, но осталась жажда пьянства, желание пить и пьянеть, осталась «пьянственная страсть» [11, с. 765]. Уже через несколько месяцев после введения «сухого закона» в больницы стали поступать пациенты с отравлениями алкогольными суррогатами. Употреблялись хмельные пива, квасы, «кумышки», одеколоны, денатураты... [10, с. 404]. Хотя современники обоснованно указывали на потребление суррогатов исключительно хроническими алкоголиками, не способными к трезвому образу жизни.

По причине распространения алкогольных субститутов некоторые общества трезвости усилили свою деятельность. Так, Сретенское общество при Градо-Туринской Сретенской церкви вновь активизировало трезвенническую пропаганду, говоря о пагубности употребления как недопустимых для христианина алкогольных суррогатов, искажающих в нем образ Божий и достоинство человека. В августе-сентябре 1914 г. обществами проводились сборы пожертвований на борьбу с пьянством [2, л. 255].

В начале XX в. в Тобольской епархии функционировало более 20-ти обществ трезвости. Численность членов обществ варьировалась от 16 до 712 человек (в периоды наибольшей активности численность могла увеличиться до тысячи человек) [12, с. 60-61]. Семь обществ курировало епархиальное братство вмч. Димитрия Солунского [13, с. 35-37].

Общества трезвости не занимались лишь пропагандой трезвого образа жизни, понимая под трезвостью не только внешнее воздержание от алкоголя, но «целостное христиански-органическое начало жизни». Главной целью было формирование нравственной и сильной личности. Например, члены Сретенского братства г. Тобольска давали обет воздержания от употребления алкогольных напитков, от сквернословия и табакокурения, также супружеской верности в браке и чистоты вне брака. Деятельность обществ трезвости была разнообразна и обусловлена проблемами и возможностями конкретного региона. В большинстве обществ организовывались церковные праздники трезвости. Например, в одном из них в течение года проходило три праздника: на третий день Пасхи, 8 июля и 29 августа – с крестными ходами вокруг храма или по селу. Даты праздников выбраны не случайно: к примеру, 29 августа праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи – день строгого поста, разумеется, алкоголь под строжайшим запретом [14, с. 816].

Устраивались народные чтения «со световыми картинками», около 10 раз в течение года, собиравшие 250-350 присутствующих. Священники неоднократно призывали к воздержанию от крепких напитков и разъясняли последствия пьянства. С началом войны под общественным давлением начали закрываться винные точки (однако нередко их владельцы неофициально торговали вином в своих домах). Также общества организовывали библиотеки; некоторые из них насчитывали 500 экземпляров книг различного содержания. Материальные средства обществ, как правило, были незначительны. К примеру, годовой бюджет Вознесенского общества составлял 23 руб. 2 коп. [15, с. 72]. Деятельность немногочисленных по составу обществ, таких как Юдино-Вознесенское общество, имевшее в своем составе 68 человек, ограничивалась обетом личного воздержания и пропагандой трезвости.

Белгородско-Троицкое общество занималось в основном проведением еженедельных бесед на нравственные и противоалкогольные темы. Не имея средств на выпуск газет, обществу приходилось ограничиваться немногочисленными листовками и статьями. Общество трезвости в селе Утьминском имело возможность выписывать и давать желающим для чтения газеты «К свету» и «Отрезвление». Также общество организовывало крестные ходы несколько раз в год, на которых члены общества несли плакаты с цитатами из Священного Писания и народными пословицами: «Пьяницы Царствия Божия не наследуют», «Счастье в труде да трезвой жизни» и т. п. [15, с. 70-74]. При епархиальном братстве была создана особая Комиссия, занимавшаяся выбором и распространением книг и листовок по приходам епархии [17, с. 84]. Деятельность обществ трезвости, несомненно, играла хоть и не слишком значительную, но положительную роль в деле отрезвления русского народа.

Интересно мнение современника относительно причин пьянства в России. Одной из таковых автор называл эстетическую неудовлетворенность русского человека: «Народ любит и ценит музыку, она доставляет ему великое наслаждение <...> Поэтому наш народ не только слушает, но и поет <...> это единственное доступное ему искусство» [18, с. 243]. Однако в простой сибирской деревне нет театров и концертов. Книги и газеты приобрести очень сложно. «Остается одно – или петь, или пить. Что наш народ и делает. Он или поет, или пьет. Но и пьяный поет» [18, с. 243].

Причинами активного изготовления самогона являлись также человеческие слабости и страсти, безволие, жажда обогащения, патологическая лень и материальные проблемы [19, с. 836].

С 15 марта 1915 г. была разрешена продажа вин и крепких напитков по рецептам врачей на лечение, а также, по разрешению полиции, для технических целей. «Возможно, это разумная мера», – писал Тобольский епископ Варнава. Но 15-го марта начиналась Страстная седмица, время строгого поста. «Неужели болезни проявиться должны с 15 марта?» [20, с. 213]. Он задавался вопросом: как испрашивать спирт для технических целей на Страстной и на Пасху, когда в империи выходные дни и никто не работает? Архиепископ просил губернатора запретить эти «рецепты пьянства».

В середине 1915 г. во многих местах общественность начинает заявлять о необходимости разрешить продажу слабых алкогольных напитков – вина и пива. И, конечно, поступают сведения о подпольном изготовлении спиртных напитков [21, с. 120]. «По прежнему много пьянствуют <...> изготовляя открыто и безнаказанно так называемую самосядку» [22, с. 614], – заявлял в своей проповеди епископ Варнава в начале сентября 1915 г. Зимой 1915–1916 гг. значительно число жителей (особенно в сельской местности) стали либо «винокурами», либо виноторговцами и, несмотря на хороший урожай 1915 г., вынуждены были зимой покупать хлеб.

Священник Андрей Кузаков писал, что в конце 1915 – начале 1916 гг. пьянство в ряде сел Тобольского уезда «процветает так же, как и во дни казенной торговли вином» [23, с. 1-2]. Жители некоторых переселенческих деревень оставляли от 1/3 до 2/3 своего дохода «шинкарям», которых в деревне в 40-50 дворов могло от 5 до 10 человек [23, с. 1-2], обрекая таким образом свои семьи на полуголодное существование.

Доход самогонщиков рассчитать несложно. Согласно современнику, из пуды ржаной муки стоимостью 1 р. 50 коп. получали 3 бутылки самосядки, продаваемые по 1,5 руб. каждая [24, с. 832]. Итого – 3 руб. чистого дохода. Если же «замесить» 5 пудов, выгода составит 15 руб., в случае с 10 пудами – 30 руб. дохода за три дня, необходимых для получения самогона. При всей упрощенности таких расчетов современника все же отметим, что за несколько дней или неделю «виноделы» зарабатывали больше, чем преподаватель в училище за месяц. А так как обычно «замешивалось» 5-10 пудов муки, то доход от производства самогона мог составить от 150 до 300 руб. в месяц! Крестьянин зарабатывал 30–40 руб. в месяц на сенокосе. Деревня на 85 дворов могла «искурить» от 500 до 1000 пудов муки в месяц. Что примечательно, виноделы предпринимали решительные меры к собственной конспирации. Покупателям, которые могли их выдать, они грозили побоями, поджогом изб, «случайным» выстрелом из-за куста.

Таким образом, в русской деревне возник антагонизм между честными, но небогатыми тружениками и богатеющими, но ничего не делающими винокурами. Огромное количество хлеба шло не на фронт и не на поддержку тыла, а на изготовление алкогольной продукции. Часть «винокуров» указывала на крайнюю нужду как причину самогонварения, которым они зарабатывали себе на жизнь. Но другой современник писал о том, что свою бедность крестьяне воспринимали как индульгенцию, оправдывающую собственные преступления.

Итак, после введения запрета на производство и потребление алкогольной продукции в августе 1914 г. и краткого периода отрезвления уже к концу 1915 г. в деревнях и городах наблюдалось усиление пьянства, соединяемое с непатриотичным состоянием тыла, а также, к слову сказать, с пораженческой пропагандой революционных партий. На деле оказалось, что общество «прелюбоугодно мирится и с гнусным пьянством и спаиванием, и с внутренней враждой и смутой для услуги врагу» [25, с. 654]. Трезвеннического порыва русского народа хватило ровно на год. Духовенство проводило активную противоалкогольную пропаганду, усиливало деятельность общества трезвости, но эти меры не могли значительно изменить ситуацию.

Разумеется, будет преувеличением утверждение о повсеместности и поголовности пьянства. Многие современники понимали масштабы проблем [25, с. 654] и губительность алкоголя, особенно в военное время. 14 декабря 1917 г. (советская власть установилась в

Тобольске в феврале-марте 1918 г.) пятеро инициативных граждан Тобольской губернии написали письмо губернскому комиссару В. И. Пигнатти «о необходимости вести борьбу с самогонварением...» [26]. Группа просила принять самые решительные меры против пьянства, организовав «летучие отряды» [26].

После октябрьского переворота ситуация несколько меняется, т.к., во-первых, большевики продлили царский запрет, а во-вторых, до крайности напряженная как внешне-, так и внутривластная ситуация в стране, общий экономический упадок сделали производство алкоголя затруднительным.

Литература

1. Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 20.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 156. Оп. 14. Д. 280.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп.14. Д. 281.
4. Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1914. № 34.
5. ТЕВ. 1914. № 21.
6. ТЕВ. 1914. № 29.
7. ТЕВ. 1914. № 34.
8. ТЕВ. 1914. № 24.
9. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М. : Издание Московского Столичного Попечительства о Народной Трезвости, 1915.
10. ТЕВ. 1916. № 38.
11. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. № 44.
12. ТЕВ. 1915. № 4.
13. Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1(13). С. 35-37.
14. Типикон, сиесть Устав. Издательский Совет Русской Православной Церкви. М.; 2002.
15. ТЕВ, 1915. № 5.
16. Отчет о деятельности Тобольского епархиального братства во имя великом. Димитрия Солунского за 1913-1914 гг. // ТЕВ. 1915. № 5.
17. ТЕВ. 1915. № 6.
18. ТЕВ. 1917. № 17.
19. ТЕВ. 1915. № 40.
20. ТЕВ. 1915. № 15.
21. ТЕВ. 1915. № 31.
22. ТЕВ. 1915. № 34.
23. ТЕВ. 1915. № 11.
24. ТЕВ. 1916. № 40.
25. ТЕВ. 1915. № 42.
26. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 45.

УДК 94(57) + 94(98)

*Исаев В. И.**Isaev V. I.*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКИХ КОМИТЕТОВ СОДЕЙСТВИЯ НАРОДНОСТЯМ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ПО ОСВОЕНИЮ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

**ACTIVITIES OF SIBERIAN COMMITTEES FOR PROMOTION OF PEOPLES
OF THE NORTHERN BORDER DISTRICTS ON DEVELOPMENT
OF THE ARCTIC TERRITORIES IN THE SECOND HALF OF THE 1920s**

В статье рассматривается создание и деятельность сибирских комитетов содействия народностям северных окраин на первом этапе их существования во второй половине двадцатых годов XX века. Показано, что работа комитетов в значительной мере была направлена на изучение экономического потенциала подведомственных им территорий, а также на перспективу освоения Арктики при активном участии в этом процессе коренных народов Севера Сибири.

The article discusses the creation and activities of Siberian committees for the promotion of the peoples of the northern border districts at the first stage of their existence in the second half of the 1920s. It is shown that the work of the committees was largely aimed at studying the economic potential of their territories, as well as at the prospect of developing the Arctic with the active participation of the indigenous peoples of the North of Siberia.

Ключевые слова: Арктика, освоение, коренные народности Севера, комитеты содействия народностям северных окраин, строительство социализма.

Keywords: the Arctic, development, indigenous peoples of the North, committees for the promotion of the peoples of the northern border districts, building of socialism.

Задача освоения северных территорий стояла и будет стоять перед российским государством в силу географического положения страны; в исторической ретроспективе она стала особенно актуальной в связи с присоединением Сибири. Арктика всегда привлекала к себе внимание сопредельных государств своими геостратегическими и экономическими возможностями.

Взятие власти большевиками и перспективы создания социалистического общества создали у руководства страны эйфорию всеобщего подъема и ощущение всемогущества большевистской партии, которая способна, по выражению К. Маркса, «штурмовать небо». На этом энтузиазме в первые годы советской власти стали разрабатываться реальные, а еще в большей степени полуфантастические планы быстрого освоения северных территорий. Задачи освоения Арктики определялись в первую очередь перспективами использования Северного морского пути для экономического прорыва СССР в ряды высокоразвитых государств.

Природные богатства Севера европейской части страны и Сибири также являлись мощным стимулом для продвижения государства на эти территории. При этом, учитывая экстремальные климатические условия, предполагалось, что на освоение северных территорий двинутся люди особого склада, герои и романтики, для которых характерно пренебрежительное отношение к удобствам быта. В свете задач освоения арктических территорий рассматривалось место в этом процессе коренных народов, издревле проживавших на Севере, уже приспособившихся к экстремальным условиям жизни. Коренное население, накопившее многовековой опыт хозяйственной деятельности

в арктических условиях, должно было сыграть роль передового отряда в освоении северных территорий советским государством.

Поэтому в историографии освоения Арктики можно выделить в качестве самостоятельных направлений, во-первых, историю освоения Северного морского пути, во-вторых, историю продвижения на Север пришлого населения, и, в-третьих, историю развития коренных народов Севера. В исследованиях истории коренных народов Севера в советское время царила идеологически обусловленная концепция их перехода к социализму, минуя не только стадию капитализма, но и во многом и стадию феодализма. Следует признать, что советские историки собрали и обобщили значительный объем материалов по истории коренных народов Севера, вместе с тем научность и объективность их выводов в условиях диктата со стороны коммунистической партии не могла быть полной [1–6].

В постсоветское время многие положения советской историографии оказались под огнем критики. Появлялись работы, рассматривавшие историю коренных народов с новых позиций, предлагавшие современные подходы, нестандартные оценки и выводы [7–12]. Например, сургутский историк И. Н. Стась, используя интересный и оригинальный подход к теме, рассмотрел государственную политику землеустройства на территориях малых народов Севера и пришел к печальному выводу, что на рубеже 1920-х – 1930-х гг. ведомственные интересы стали превалировать над национальными интересами коренного населения [13]. Активно стали обращаться к этой теме и зарубежные историки [14–15]. Появляются также исследования, написанные уже с новых позиций, посвященные непосредственно деятельности комитетов содействия коренным народностям Севера [16].

В статье на основе архивных и опубликованных источников мы попытаемся рассмотреть значение и роль комитетов содействия народностям северных окраин в процессе освоения арктических территорий Сибири в первый период их существования во второй половине двадцатых годов XX века.

В двадцатых годах, как и позднее, развитие коренных народов Севера рассматривалось большевистской партией в двух аспектах. Во-первых, ставилась задача их национального возрождения и расцвета в рамках социалистического строительства, что относилось ко всем народам СССР. Во-вторых, намечалось более активное включение коренного населения арктических территорий в процесс их государственного освоения. Такая двойственность государственной политики во многом определяла противоречивость осуществлявшихся в первые годы советской власти действий по отношению к коренным народам Севера.

Специфика социально-экономического уклада коренных народов Севера потребовала особых форм государственного строительства на арктических территориях. Для учета этой специфики и координации всей работы среди коренных народов Севера в 1924 г. было решено при ВЦИК РСФСР создать Комитет содействия народностям северных окраин. Комитет призван был стать руководящим органом, отвечающим за все стороны существования коренных народов Севера и приобщения их к общему делу строительства социализма.

Согласно Декрету СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г., комитет содействия народностям северных окраин весной 1925 г. приступил к работе, его возглавил один из активных деятелей большевистской партии П. Г. Смидович [17]. После образования центрального Комитета содействия народностям северных окраин началось формирование его местных органов. Для определения задач и направлений работы своих подразделений Комитет организовал 11-12 мая 1925 г. совещание, на которое были приглашены представители местных комитетов, прибыли на совещание в том числе и представители Сибири [18, л. 6].

В Сибири предстояло создать областной комитет при Сибревкоме, кроме того, учитывая проживание на территории некоторых сибирских губерний значительных

контингентов коренных народностей Севера, намечалось также создать губернские комитеты при Томском, Енисейском и Иркутском губисполкомах. Согласно постановлению Сибревкома от 13 марта 1925 г. такие комитеты были образованы и в течение весны 1925 г. приступили к работе [19, л. 3].

В местный комитет содействия народностям северных окраин на постоянной основе должны были входить председатель и два члена, помимо этого комитет мог привлекать к участию в своей деятельности других работников советских и партийных органов. Сибирский областной комитет, приступивший к работе в марте 1925 г., в качестве освобожденного от всех других обязанностей председателя возглавил П. А. Месяцев, членами комитета, совмещавшими работу в нем с основной деятельностью, стали Ю. А. Кудрявцев и С. Г. Айзин [19, л. 5].

Границы территории, подведомственной комитету, определялись следующим образом: на западе – это граница с Тобольским округом, на востоке – с Якутской АССР, южная граница проходила по течению левого притока Оби реке Парабель, по правому притоку Оби, реке Чулым, по левому притоку Енисея, реке Кас, и по водоразделу правых притоков Енисея, северной границей выступала береговая линия Северного Ледовитого океана [20, л. 1-3].

На первом этапе своей деятельности местные комитеты поставили перед собой, прежде всего, задачу изучения подведомственной им территории и проживавшего на ней населения. С этой целью организовывались небольшие исследовательские группы, объединявшиеся в рамках отдельных районных экспедиций. Томский комитет координировал работу экспедиций в Александро-Ваховском районе, Енисейский комитет активно исследовал ситуацию в Туруханском крае, Иркутский – в Витимско-Ленском регионе [19, л. 19].

Важным направлением в работе комитетов стала оценка перспектив использования природных богатств, имеющихся на территориях проживания коренных народностей. Так, экспедиции, организованные Томским комитетом по изучению Александро-Ваховского района, показали, что имевшееся там количество пушных зверей позволяет существенно повысить поставки пушнины государству. По оценкам исследователей, число добываемых здесь белок могло бы составлять около 1,2 млн., а реально сдано было в охотничий сезон 1924/25 г. только около 0.5 млн. шкурок, шкурок соболя могло быть добыто более одной тысячи, реально сдано 900, шкурок горностая можно было добыть около 30 тыс., а реально сдано только 14 тыс. [21, л. 66 об.].

По весне в комитетах разворачивалась работа по снаряжению и отправке исследовательских групп в места обитания коренных народностей Севера. Весной и летом 1928 г. Сибкрайисполком профинансировал несколько экспедиций, направленных краевым комитетом содействия народностям северных окраин для изучения хозяйства и природных богатств на территориях проживания коренного населения. Например, в мае 1928 г. была отправлена экспедиция в район Нижней Тунгуски, она проработала там 3,5 месяца и возвратилась с большим объемом собранного материала [22, л. 53-78].

Одновременно с исследованием экспедициями решались и практические задачи, в частности, проводились работы по землеустройству. В составе экспедиции, как правило, выезжали инженер-землеустроитель, охотовед и экономист, иногда врач, поэтому участники экспедиции могли профессионально оценить состояние дел на исследуемой территории.

Таким образом, в деятельности сибирских комитетов содействия народностям северных окраин с самого начала их существования, наряду с проблемами национального развития коренных народов, существенное место заняли вопросы, связанные с хозяйственным освоением северных территорий. Необходимость в этом, помимо определения перспективных задач по освоению северных территорий, вызывалась также кризисным состоянием сложившегося к этому времени социально-экономического

положения коренных жителей. Так, по сообщению представителя Томского комитета, совершившего летом 1925 г. ознакомительную поездку по северным районам губернии, хозяйство коренных жителей пришло в полный упадок. Главной причиной бедственного положения являлось резкое сокращение поголовья оленей в результате болезней, а также масштабных закупок со стороны хозяйственных организаций, действовавших на этих территориях.

Нехватка продовольствия наблюдалась повсеместно, а в некоторых районах, как например, на территории Нарымского края коренное население находилось на стадии вымирания [23, л. 62]. По данным Енисейского и Иркутского комитетов, в подобном же положении находились хозяйства аборигенов в Туруханском крае и на других территориях обитания коренного населения. Материалы и отчеты по итогам обследований в целом по Сибири показывали крайне тревожную ситуацию: большинство коренного населения существовало на низком уровне жизни, близким к вымиранию, хозяйство аборигенов находилось в глубоком кризисе [24, л. 6, 7, 24].

Областной комитет содействия народностям северных окраин в постановлении от 21 сентября 1925 г. поставил перед Сибревкомом задачу оказания срочной помощи голодающему населению Туруханского края и других районов проживания коренных народностей путем организации хлебозапасных магазинов, которые могли бы в кредит отпускать продовольствие для бедствующих жителей. Также комитет, отметив в постановлении, что оленеводство коренных народностей Норильского региона находится в крайне плачевном состоянии, потребовал от местных властей резко сократить поставки оленьего мяса для работавших там государственных организаций и хозяйственных субъектов [25, л. 42].

Вопрос о взаимодействии пришлого населения и различных ведомств с коренным населением был в эти годы одним из самых острых и болезненных. Комитеты Севера вплотную вынуждены были заниматься проблемой эксплуатации коренных народов со стороны частных закупщиков и торговцев. Выявлялись случаи неравноправных сделок, пресекались попытки торговцев выманивать у аборигенов пушнину и другие товары, беззастенчиво спаивая сдатчиков [21, л. 66-71].

Понимая необходимость защиты интересов коренных народов, советское государство разработало специальное законодательство, предусматривающее их охрану от хищнической эксплуатации и даже возмещение ущерба в случае нарушения их прав на свои земли и природные богатства [26, с. 78-79]. Однако, как отмечает в своей статье И. Н. Стась, в реальной жизни ведомства, руководствуясь своими хозяйственными целями, нацеленные на агрессивное вторжение в регионы обитания коренных народов, по существу превращали эти законодательные акты в пустую декларацию о благих пожеланиях [13, с. 70-71].

В своей деятельности сибирские комитеты Севера старались наметить перспективы хозяйственного развития территорий обитания коренных народностей. В связи с этим серьезно и всесторонне прорабатывался вопрос о создании путей сообщения, выступающих основой всего развития. В расширенном совещании краевого комитета, состоявшемся 5 сентября 1925 г., приняли участие представители различных ведомств, в том числе, железнодорожники и речники; рассмотрены были вопросы текущего состояния путей сообщения в районах обитания коренных народностей и организации работы по их строительству. Отмечалось, что на северных территориях Сибири практически отсутствует регулярно налаженное движение по сухопутным и водным путям. Даже использование таких естественных путей как реки оказывалось очень ограниченным. Из сухопутных путей, прежде всего, предлагалось ускорить строительство Илимского тракта. Среди вполне реалистических звучали и явно нереализуемые предложения, например, по строительству железной дороги Томск – Тобольск. Было решено также более активно

взаимодействовать с Комитетом Северного морского пути для завоза товаров для коренного населения по устьям сибирских рек [25, л. 39-40].

Деятельность местных комитетов по изучению и освоению экономического потенциала северных территорий получала всестороннюю поддержку со стороны партийных и советских органов Сибири. В своем постановлении от 9 сентября 1925 г. Сибревком одобрил работу областного комитета содействия народностям северных окраин, для активизации этой работы и обеспечения ее общественной поддержки Сибревком наметил провести в течение 1925/26 г. совещания по проблемам развития коренного населения Туруханского и Нарымского краев с участием представителей проживающих там народностей [25, л. 41].

С образованием Сибирского края вопросы хозяйственного освоения арктических территорий также неоднократно ставились краевым комитетом содействия народностям северных окраин перед партийными и советскими органами. Сибкрайисполком 9 декабря 1926 г. заслушал и обсудил доклад председателя краевого комитета содействия народностям северных окраин Ю. А. Кудрявцева «Хозяйство туземцев Сибирского края и пути его рационализации». В ходе обсуждения доклада председатель крайисполкома Р. И. Эйхе отметил важность обсуждаемого вопроса и предложил усилить финансирование, направленное на подъем хозяйства коренных народностей Севера [27, л. 2-8, 24-26]. В течение 1926–1928 гг. Сибкрайисполкомом на восстановление хозяйства в районах обитания коренного населения Севера было выделено 455 тыс. руб. целевого кредита [28, с. 23].

В дальнейшей работе сибирских комитетов содействия народностям северных окраин вопросы хозяйственного освоения арктических территорий также продолжали занимать ведущее место. Особенно усилилась работа в этом направлении в 1926–1927 гг., когда по инициативе центрального Комитета содействия народностям северных окраин была организована похозяйственная перепись на северных территориях СССР. Материалы по экономике районов обитания коренных народов, собранные местными комитетами, активно использовались в планировании и хозяйственной работе. В апреле 1926 г. краевой комитет на основе представленных Томским, Красноярским и Иркутским комитетами ориентировочных пятилетних планов развития хозяйства коренных жителей Нарымского, Туруханского краев, северных территорий Иркутской губернии подготовил «Пятилетний план развития и реконструкции хозяйства северных народностей Сибирского края на 1926–1931 гг.» [29, л. 3-17].

В нем намечалось восстановление и развитие оленеводства, рыбных и пушных промыслов, строительство рыбоконсервных заводов и рудников по добыче золота, угля, редких металлов, создание сети культбаз и фельдшерско-акушерских пунктов. При всей правомерности и оправданности предлагаемых мероприятий по хозяйственному развитию коренного населения Севера самым существенным недостатком плана являлось то, что вопрос об их финансировании оставался непроработанным. Это превращало план скорее только в перечень предполагаемых направлений работы по хозяйственному освоению Севера. Такая работа по перспективному планированию тоже была необходима, но представлять ее в качестве реального пятилетнего плана было наивно.

Практика составления долгосрочных планов хозяйственного развития закрепились в работе комитетов Севера и стала повсеместной, что определялось общей установкой на социалистическое планирование, которая особенно стала актуальной с началом первой пятилетки. Местные комитеты содействия народностям северных окраин отправляли составленные ими планы в Москву, где на их основе Комитетом при ВЦИК РСФСР составлялись общегосударственные планы. В феврале 1930 г. Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК РСФСР представил свои материалы в Правительственную комиссию по разработке общегосударственного пятилетнего плана научно-исследовательских работ в Арктике на 1929–1933 гг. [30, л. 2-24].

Можно сказать, что в течение второй половины двадцатых годов комитеты содействия народностям северных окраин нашли свое место в государственном механизме и получили признание и поддержку. В то же время необходимо подчеркнуть, что большинство выявленных острых проблем в положении коренных народностей Севера в исследуемый период не были и не могли быть решены ввиду их серьезности, продолжительного существования и недостатка сил и средств у молодого советского государства. Поэтому деятельность комитетов, прежде всего, способствовала привлечению внимания партийных и государственных органов, а также широкой общественности к проблемам коренных народностей Севера и освоения Арктики.

Таким образом, можно сделать вывод, что создание и деятельность сибирских комитетов содействия народностям северных окраин во второй половине двадцатых годов способствовала решению насущных задач социально-экономического развития страны. В результате развернутой комитетами работы по изучению территорий проживания коренных народностей Севера удалось составить подробную картину имеющихся на арктических территориях Сибири природных богатств и наметить перспективы сельскохозяйственного и промышленного их освоения. Было привлечено внимание к проблеме упадка хозяйства коренных народностей Севера и остановлено наметившееся вымирание аборигенного населения. Сделаны первые шаги по обеспечению социально-экономического развития северных территорий и проживающего на них коренного населения. Создание местных комитетов содействия народностям северных окраин существенно усилило внимание к освоению арктических территорий и к обеспечению этого процесса людскими ресурсами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00041 «Экономическое и социально-демографическое развитие Арктических территорий СССР (1920 – 1980-е годы)».

Литература

1. Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 474 с.
2. Киселев Л. Е. От патриархальщины к социализму. Опыт КПСС по социалистическому преобразованию в национальных районах Севера. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1974. 267 с.
3. Клещенко И. П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М. : Высшая школа, 1972. 239 с.
4. Увачан В. Н. Годы, равные векам. Строительство социализма на советском Севере. М. : Мысль, 1984. 357 с.
5. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 569 с.
6. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 334 с.
7. Алексеева Л. В. Была ли у туземцев Севера Западной Сибири в 1920-х гг. советская власть? // Западно-Сибирское краеведение. Ишим : Изд-во ИГПИ, 2003. Вып. 5. С. 68-79.
8. Веселкина В. В. К истории становления Советов и суда у малых народностей Обского Севера в первой половине 1930-х гг. // Научные труды Тюменского ун-та. 1974. Т. 9. С. 4-71.
9. Козинцев А. Я. Туземное правосудие на Тобольском Севере в первой четверти XX века // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2014. № 1. С. 16-21.

10. Прибыльский Ю. П. Советизация Севера (1920-1940) // Западная Сибирь: история и современность. Краевые записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1.
11. Перевалова Е. В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 125-133.
12. Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск : Наука, 2001. 159 с.
13. Стась И. Н. Политика идентичности и землеустройство малых народов российского Севера: этничность, классовость, ведомственность (рубеж 1920-х – 1930-х гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 60-76.
14. Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М. : НЛЮ. 2008. 509 с.
15. Бахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж : Европейский дом, 1993. 96 с.
16. Бобышев С. В. Комитеты Севера Восточной Сибири и Дальнего Востока. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. 239 с.
17. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1925. М. : Управ. делами СНК РСФСР, 1925. № 18. Ст.113.
18. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. р-354. Оп. 1. Д. 7.
19. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 8.
20. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 81.
21. ГАНО Ф.354. Оп. 1. Д. 11.
22. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 476.
23. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 16.
24. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 24.
25. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 17.
26. Северная Азия, 1927. № 3.
27. ГАНО. Ф. р-354. Оп.1. Д. 59.
28. Советский Север. 1930. № 2.
29. ГАНО. Ф. р-354. Оп. 1. Д. 77.
30. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 424.

Меркулова Л. В.
Merkulova L. V.

РАЗВИТИЕ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В СИБИРИ 1920–1945-Е ГГ.

DEVELOPMENT OF MEDICAL TOURISM IN SIBERIA IN THE 1920s–1945s

В данной статье рассматривается развитие туризма в Сибири в довоенные период, особенности развития здравниц, санаториев и лагерей, которые занимались рекреационным туризмом. Описывается роль лечебно-оздоровительного туризма в годы Великой Отечественной войны и судьба старейших здравниц Сибири.

The article considers the development of tourism in Siberia in the pre-war period, as well as features of health centres, sanatoriums and camps as recreational facilities. The role of medical tourism during the Second World War and the future of health centres in Siberia are described.

Ключевые слова: лечебно-оздоровительный туризм, санаторий, курорт, Сибирь, санаторно-курортное дело.

Keywords: medical tourism, sanatorium, resort, Siberia, sanatorium-resort care.

В первые годы советской власти проводилась реструктуризация туристических видов деятельности, которые должны были удовлетворять потребности нового социалистического общества. Но большую роль играло и практическое назначение лечебно-курортного туризма для жителей Сибири и Урала. На территории СССР в 1920–1940-е гг. было открыто 3 600 санаториев, где можно было разместить до 470 тысяч человек. На территории Сибири санатории были рассчитаны как для осуществления отдыха, так и для оздоровительных процедур местных жителей. По постановлению ЦК ВКП(б) из государственного бюджета постоянно выделялось несколько десятков миллионов рублей, например, в 1931 г. было потрачено более 10 млн рублей [1, с. 36]. Помимо этого было организовано строительство новых санаториев, например, в 1933 г. один – в Западной Сибири и два – в Восточной Сибири.

Одним из наиболее известных в Алтайском крае был санаторий «Чемал». Он был создан по предложению Е. И. Калининой, которая во время путешествия была впечатлена необычной красотой природы. При этом само село Чемал было основано еще в 1842 г. для размещения миссионерского лагеря [2]. Е. И. Калинина участвовала как в проектировании, так и в курировании бальнеологического курорта с собственным подсобным хозяйством [3]. Первоначально санаторий предназначался для осуществления лечебного туризма для сотрудников ВЦИК, известных политиков и деятелей искусства. В 1930-е гг. здесь побывали глава Советского Союза М. И. Калинин, партийный руководитель Н. И. Бухарин, военный И. В. Косиор, певица А. В. Нежданова и артист Б. А. Бабочкин. С 1937 г. дом отдыха ВЦИК был реорганизован в горно-климатический санаторий «Чемал». В годы Великой Отечественной войны весь санаторно-курортный комплекс был выделен для лечения больных туберкулезом и ослабленных детей. В среднем санаторий мог принять одновременно 247 детей до 15 лет.

На момент создания Новосибирской области было открыто более 15 санаториев, что связано с Декретом о национализации. На озере Карачи был основан в 1925 г. курортный комплекс по инициативе сотрудников и врачей Томского физиотерапевтического института [4]. По рекомендации специалистов, наличие лечебной грязи позволило бы заниматься лечением опорно-двигательной системы, гинекологии и

нервных болезней. Так как курорт предназначался для больных рабочих и участников Гражданской войны, была организована круглогодичная работа. В 1930 г. здесь прошло лечение 1 550 человек, через два года – 3 267 человек. В 1937 г. количество ванн было увеличено до 40, что сделало санаторий самым крупным грязевым курортом СССР. К началу Великой Отечественной войны курорт представлял собой благоустроенное лечебное учреждение с составом опытных врачей.

В годы войны у санатория на озере Карачи была перестроена работа в связи с размещением здесь эвакогоспиталя № 2486. За период военных лет в госпитале прошло лечение 10 тысяч раненых бойцов и командиров Красной Армии, которым было проведено 120 тысяч травяных ванн и 90 тысяч грязевых аппликаций и 4 тысячи диагностических исследований. Около 70 % раненых, прошедших лечение, вернулись в ряды Красной Армии. Такие успехи связаны с методикой профессора И. А. Валединского по восстановлению опорно-двигательного аппарата с 170 дней до 68. Также в госпиталь отправляли выздоравливающих после огнестрельных ранений для восстановления в неврологическом, хирургическом, бальнеотерапевтическом отделениях. Например, в первой партии, 10 октября 1941 г., раненых было 67 человек, в следующих – до 229 человек. Помимо непосредственного лечения в санатории-госпитале для осуществления профилактических и оздоровительных мероприятий в прифронтовые районы было отправлено 35 вагонов лечебной карачинской грязи общим весом более 800 тонн [5].

В Красноярском крае одним из первых был основан санаторий на озере Учум в 1925 г. Слово «Учум» имеет тюркские корни и с перевода на русский означает «сушеный виноград». Известность сибирского озера связана с лечением здесь как местных жителей, так и приезжих [6]. 50 построек на озере было переданы Ачинскому уездному отделу здравоохранения для восстановления деятельности. В 1931 г. санаторий «Учум» перешел в ведение Западно-Сибирского курортного отдела, который стал осуществляться план развития. Были построены три спальных корпуса на 240 мест, поликлиника, водогрязелечебница, котельная, здания вспомогательных служб и помещения для персонала. В военные годы на курорте удалось увеличить число коек до 300 мест.

В Хакасии один из больших курортов находился на озере Шира. Описание озера было сделано в XVIII в., а исследование полезные свойства воды и грязи водоема начались с XIX в. У озера было несколько названий — Шаро, Широ, Шира-Куль. Позже за ним закрепилось современное название, которое происходит от монгольского слова «желтый» [7]. В начале 1890-х гг. данное курортное место посещали дворяне, зажиточные мещане и крестьяне. На территории санатория для обслуживания проживало 17 семей. В 1920-е гг. санаторий возобновил работу на 97 дней, за которые было осуществлено лечение 1 644 чел. Особенностью курорта было то, что из-за климатических и погодных условий он мог работать от 60 до 100 дней в году. Весной 1929 г. на озере открыт первый в Сибири пионерский лагерь. Для него выделили часть строений курорта. С 1933 г. удалось организовать проведение профилактических мероприятий по оздоровлению населения региона круглогодично. В 1934 году в поселке Жемчужный было 120 зданий, которые располагались на берегу озера в несколько рядов. Были построены рапный корпус на 30 ванн, отделения водолечения и грязелечения, введены поездки на короткий период. В результате на курорт у озера Шира приходилось 25 % от общего числа посетителей сибирских больных. Если за период с 1875 по 1919 гг. санаторий посетило около 25 тыс. чел., то с 1920 по 1933 гг. здесь побывало 20 782 больных [8].

В период Великой Отечественной войны, по указанию крайкома, курорт был перепрофилирован в госпиталь № 2511. Для работы было мобилизован большой штат медицинских работников и обслуживающего персонала из ряда городов края, а также часть бывших работников курорта. В срочном порядке осуществили подготовку жилого фонда к приему раненых, их лечения и обеспечения всем необходимым в течение круглого года, создали запасы топлива. Первая группа раненых поступила в сентябре 1941 г. и

насчитывала более 1 000 человек. Несмотря на значительную загруженность курорта как госпиталя, его работа по основному профилю продолжалась. Госпиталь работал с Красноярским государственным медицинским институтом, что позволило уточнить показания некоторых болезней и улучшить результаты. В декабре 1943 г. после успешного наступления советских войск и освобождения значительной территории возить раненых в далекий тыл стало нецелесообразным, и госпиталь перевели. На курорте на долечивание осталась лишь небольшая группа раненых.

Таким образом, развитие лечебно-оздоровительного туризма в Сибири было связано с расширением сети здравницы и санаториев. Посетителями являлись чаще всего местные жители, которые обычно приезжали с ближайших городов, сел и получали путевки для отдыха. В военные годы большинство курортов становятся госпиталями и местами временного пребывания людей. Из общего числа доставленных военных 98 % были ранеными и лишь 2 % болели. На протяжении почти всей войны между фронтом и сибирскими санаториями доставляли солдат. Привлекались постоянно медики и ученые, которые совершенствовали комплекс оздоровительных мер, были специальные бригады врачей в санаториях для лечения раненых, что позволило оказывать помощь в эвакогоспиталях. Важную роль в оздоровительном лечении играли климатические факторы низкогорья, лес. По данным статистики на 1931 г., в Сибири местные санатории и курорты посетили 25 173 человек. Среди посетителей в санаториях преобладали представители рабочего класса – 79% (1930 г.), 88% (1931 г.). На 1935 г. в домах отдыха, санаториях и на курортах побывало 82,2 тысяч человек, в следующем году – 100 тыс.

Литература

1. Орлов И. В. Советский курорт 1930-х-годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования // Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. №3. С. 25-30.
2. Санаторий «Чемал»: официальный сайт. URL: <http://www.tschemal.pf/istoria.shtml> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Николаева О. П., Суразакова С. П. Из истории освоения Чемала // Известия АлтГУ. 2013. № 4 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-osvoeniya-chemala> (дата обращения: 04.11.2019).
4. Санаторий «Карачи» : официальный сайт. URL: <https://okarachi.ru/ru/about1/> (дата обращения: 04.11.2019)
5. Курорт «Озеро Карачи» : официальный сайт. URL: <http://kuroptkarachi.ru/8-kurort-ozero-karachi-v-gody-velikoj-otechestvennoj.html> (дата обращения: 06.11.2019)
6. Официальный сайт Муниципального образования Ужурский район. URL: <http://rsuzhur.ru/poseleniya/ozerouchumskij-selsovet/organy-mestnogo-samoupravleniya/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 06.11.2019).
7. Курорт «озеро Шира»: Путеводитель. URL: <http://strana.ru/places/23221842/info> (дата обращения: 04.11.2019).
8. Курорт озера Шира. URL: <http://www.kurort-shira.ru/us/history/> (дата обращения: 06.11.2019)

УДК 656.6(091)(571.1)

*Книжников В. А.**Knizhnikov V. A.***К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ЮГРЫ НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ (1950–1960-Е ГГ.)****ON TRANSPORT SYSTEM'S CHARACTERISTICS IN UGRA ON THE EVE OF DISCOVERY AND EARLY IN DEVELOPMENT OF OIL AND GAS FIELDS IN THE 1950s–1960s**

В статье даётся характеристика транспортной системы Югры в 1950–1960-е гг. Анализируется ситуация, сложившаяся в Ханты-Мансийском национальном округе на момент начала нефтегазового освоения. Делается вывод о причинах целесообразности приоритетного развития речного транспорта в начальный период модернизации экономики Западной Сибири.

The article describes the transport system of Ugra in the 1950s–1960s. The situation in the Khanty-Mansi National Okrug at the beginning of oil and gas development is analyzed. The conclusion about the reasons for the priority of river transport development in the initial period of economic modernization of Western Siberia is drawn.

Ключевые слова: речной транспорт, Иртышское речное пароходство, нефтегазовое освоение, Ханты-Мансийский национальный округ, навигация, Западная Сибирь.

Keywords: river transport, Irtysh River shipping company, oil and gas development, the Khanty-Mansi National Okrug, navigation, Western Siberia.

Интенсивное развитие нефтегазового комплекса в Ханты-Мансийском национальном округе (далее – ХМНО) стало переломным моментом в его истории. Однако успешная добыча углеводородного сырья могла быть достигнута при наличии соответствующей транспортной инфраструктуры. Ее создание являлось одной из приоритетных задач, которую требовалось решить в кратчайшие сроки. При этом важно рассмотреть исходный уровень, на котором находились те или иные элементы транспортной системы, меры, принимаемые властью по ее совершенствованию, а также условия, с которых начиналось ее становление.

Реализация крупных социально-экономических программ предполагала формирование в Западной Сибири топливно-энергетической базы, развитие энергетики и энергетических производств, снабжение газом районов Сибири, решение экспортных вопросов. Активное индустриальное строительство требовало конкретных решений по ускорению темпов развития транспортной инфраструктуры Севера Западной Сибири. Эксплуатация нефтяных богатств в ХМНО привели к резкому увеличению ввоза строительных материалов, оборудования, техники. Только для добычи миллиона тонн нефти требовалось завезти 40-60 тыс. тонн грузов. Приток населения обусловил высокие темпы демографического, экономического роста и, как следствие, необходимость обеспечения региона товарами народного потребления. Это стало отправной точкой ускорения модернизационных процессов в крае.

Транспорт, как важнейшая отрасль народного хозяйства, включает в себя следующие разновидности: железнодорожный, морской, речной, автомобильный, воздушный и трубопроводный. Вместе они образуют единую сеть, которая функционирует в общественном производстве как его особый вид и как связующее звено между

производителем и потребителем, а также как обслуживающая сфера, не соединенная непосредственно с производственным процессом. Тесное хозяйственное переплетение разных видов транспорта обеспечивало возможность бурного роста экономики края.

В единой транспортной сети СССР заметную роль играл речной транспорт, который в быстрые сроки, без существенных капитальных вложений перевозил грузы в новые, отдалённые районы и тем самым ускорял освоение новых месторождений природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В изобилующих же водными путями районах Сибири, особенно в Ханты-Мансийском национальном округе, услугами речного транспорта пользовались, так или иначе, почти все отрасли народного хозяйства [1, с. 4].

В 1963 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» которое определило стратегию формирования производственной инфраструктуры [2, с. 13].

Одной из ключевых проблем освоения Югры было отсутствие необходимой дорожной сети. Транспортное освоение края в этих условиях становилось задачей первостепенной важности. Традиционно в Западной Сибири были развиты два вида транспорта: водный и гужевой. Последний, не имея ни хорошей грузоподъёмности, ни высокой скорости доставки, уже перестал быть актуальным для своего времени.

Основой транспортных сообщений Западной Сибири являлись не заходящие далеко на север Транссибирская и Южно-Сибирская железнодорожные магистрали и реки Обь-Иртышского бассейна. Причём доля речного транспорта в перевозках Тюменской и Томской областей достигала 50 % [3, с. 9-15]. Деятельность речного транспорта определялась потребностями экономики, а также географическими и климатическими условиями. Площадь Обь-Иртышского бассейна огромна – 2 930 кв. км, в его состав входили 14 627 км эксплуатируемых внутренних водных путей, из которых протяжённость с гарантированными габаритами судовых ходов составляет 6 192 км [4]. Обь и Иртыш имели 62 судоходных притока, однако на 40 из них судоходство было развито слабо.

Изучение ледового режима судоходных рек северной части Западной Сибири, в особенности в переходные периоды осеннего замерзания, весеннего вскрытия и очищения реки, важно с навигационной точки зрения. Сроки очищения реки ото льда определяют начало навигации. В бассейне Оби разнится климатический фактор в зависимости от близости к Северному Ледовитому океану. На территориях Средней Оби речная навигация продолжается в Сургуте в среднем 158 дня, в Урае – 109, в Нижневартовске – 181. В Ямало-Ненецком округе навигация короче: в Салехарде – 130 дней, в Надыме – 102 [5, с. 93]. Количество дней навигации в разные годы менялось [6, с. 2].

Обь-Иртышский бассейн был поделён на 24 участка реки [6, с. 1]. Из них на территории Ханты-Мансийского округа находились следующие: 1) Тобольск – устье р. Иртыш; 2) Устье р. Иртыш – Устрем; 3) Перегребное – Полноват; 4) Урай – Три Конды; 5) Три Конды – Болчары; 6) Болчары – устье р. Конда; 7) Белый яр - устье р. Казым; 8) Игрим – устье р. Северная Сосьва; 9) Соснино – устье р. Иртыш. Ежегодно на этих участках руководством пароходства фиксировалось вскрытие рек и появление льда. Данные сравнивались с прошлыми годами, и, исходя из этого, планировались сроки предстоящей навигации на том или ином участке.

Среднее течение Оби от устья Иртыша до Соснино отличалось в плане судоходных условий довольно высокими гарантированными глубинами, до 250 см, а в ряде мест до 300-365 см [2, с. 7-9]. Достаточная глубина рек создавала относительно более лёгкие условия для судоходства, чем, например, в наиболее грузонапряжённом участке реки Лена (150-190 см). Интересно, что в трудах С. А. Кучкина, министра речного флота РСФСР, очень мало упоминаний о капитальных работах по углублению дна в Западной Сибири, несмотря на то, что он этот район инспектировал [3, с. 22-33].

Речной транспорт Западной Сибири уже имел определённую инфраструктуру и парк судов, сформированный ещё в 1920-1930 гг. В послевоенный период мощности водного транспорта только возрастали.

По окончании Великой Отечественной войны перед страной встал вопрос о восстановлении экономической мощи, в том числе это касалось и речного транспорта Западной Сибири. В 1947 г. было принято постановление Совмина СССР «О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию речного транспорта», в котором была намечена программа модернизации флота [7, с. 25].

В преддверии 1950-х гг., преимущественно Северным морским путём, флот Западной Сибири пополнился такими типами судов, как буксиры, самоходные баржи, теплоходы, а также разными видами несамоходных судов. Во флот Нижне-Иртышского пароходства, в состав которого входили и участки на территории Ханты-Мансийского национального округа, вошло 336 единиц. Это позволило в 2 раза увеличить общую грузоподъёмность металлического флота и на 60 % – деревянного. Мощность самоходного флота выросла на 55 % [7, с. 27]. Особое внимание уделялось дизельным судам.

К началу 1950-х годов грузооборот Нижне-Иртышского пароходства составлял 1,65 млрд тонн, а объём перевозок 3,1 млн тонн. Всего же с 1913 г. по 1960 г. перевозки грузов по рекам СССР увеличились в 6 раз, а в Обь-Иртышском пароходстве – в 11,7 раз. К 1960 г. объём переработанного груза на пристанях и в портах Иртышского пароходства достиг 5,7 млн. тонн [7, с. 40]. Однако стоит отметить, что на Оби была одна из самых низких по стране производительность труда: 523 тыс. тонн на работника плавсостава [7, с. 30].

Одной из характерных черт для бассейна Оби и Иртыша того времени являлся рост средней дальности перевозок 1 тонны груза на километр. В 1940 г. этот показатель составил 360 км, в 1960 г. – 450 км [2, с. 11].

Несмотря на достигнутые результаты, техническая и материальная неготовность речного транспорта к возросшим объёмам грузов зачастую приводила к срыву государственных планов. Так, например, в 1965 г. речной транспорт не справился с поставленным планом по грузообороту [7, с. 20].

Основными грузами, благодаря которым увеличивался пробег речных судов и плотов, в 1960-е годы стали нефтепродукты и лес. Районы лесозаготовок расширялись путём смещения лесозаготовительных баз в более отдалённые северные районы, не обеспеченные дорожной сетью. Это требовало от речных предприятий увеличения технических мощностей и расширения дальности перевозок. Объёмы транспортировки каменного угля, хотя и превышали объём дореволюционного времени, после 1950-х гг. не росли как минимум до середины 1960-х гг. [2, с. 3-32].

В экономике ХМНО большое внимание предполагалось уделить деревообрабатывающей промышленности. В Обь-Иртышском бассейне началось строительство лесопромышленных комплексов, которые определили направление и объёмы грузопотоков лесных грузов на перспективу. Крупнейшим предприятием в округе по переработке древесины становится Нижне-Обский комплекс, который создавали в месте выхода железной дороги Ивдель-Обь у пос. Сергино в 15 км от с. Октябрьское. Согласно плану, на 1965 г. Нижне-Обский комплекс должен был перерабатывать 13 млн куб. м. древесины и около 3 млн куб. м. отходов [8, с. 36].

Именно лесные грузы, как правило, сплавляемые на плотах, имели наибольшую долю в объёме перевозок. В 1960 г. они составили в Тюменской области 32 % от общего числа перевозок, а в Томской области – 54 %. В 1960 г. в район Салехарда и Лабытнанги поступало 600 тыс. тонн лесных материалов, в Тюмень – более 100 тыс. тонн. Плоты формировались на таких маленьких пристанях, как Алёшкино, Паснокорт, Краснотенинск, Елизарово, Салым и др. [2, с. 14].

Эти пристани являлись основными погрузочно-разгрузочными пунктами на Тюменском севере и на тот момент относительно удовлетворяли транспортные потребности региона, хотя местная техника уже тогда требовала повсеместной модернизации.

Недостаток транспортных мощностей в регионе заставил Министерство речного флота РСФСР совместно с министерствами газовой и нефтеперерабатывающей промышленности в декабре 1965 г. выделить средства на строительство дополнительных причалов и приобретение оборудования. «Главтюменьнефтегазстрой» и речное пароходство должны были выполнить распоряжение по освещению мест выгрузки, строительству складских помещений и подъездных путей [9, с. 60]. Реализация этих планов Иртышским речным пароходством позволила заложить в Югре ряд предприятий, впоследствии переросших в речные порты, способные перерабатывать тонны грузов ежедневно.

На основании приказа Министерства речного флота РСФСР от 28 марта 1960 г. Самаровская пристань была переименована в Ханты-Мансийский эксплуатационный участок Иртышского речного пароходства. Это вывело её на новый уровень как объёмов по приёму перевозимых грузов, так и финансирования. В 1965 г. открывается Ханты-Мансийское районное управление Иртышского речного пароходства [10, с. 26-79].

В связи с резким увеличением объёмов грузов приказом Министра речного флота РСФСР № 163 от 17 ноября 1964 г. на базе уже существующей пристани в Сургуте с 1 января 1965 г. создается Сургутский речной порт с приписными пристанями: Нефтеюганск, Нижневартовск и Мегион [11, с. 99-103]. В течение последующих 4-х лет, в связи с открытием Смотлорского и Усть-Балыкского месторождений, первые две пристани были выделены в отдельные самостоятельные предприятия (Мегионская пристань отошла Нижневартовску).

Нефтеналивные баржи к середине 1960-х гг. уже появились в составе судов пароходства, но нефтяные грузы пока не занимали серьёзной доли в грузообороте, составляя лишь 4,6 % от общего объема [2, с. 13].

Часть грузооборота брали на себя только что построенные нефтепроводы Шаим-Тюмень (декабрь 1965 г.) и Усть-Балык – Омск (1967 г.) Тем не менее нефтеналивные суда продолжали действовать даже в 1980-х годах.

Таким образом, к началу нефтегазового освоения речной транспорт Иртышского речного пароходства мог выполнять лишь задачи местного характера. Неспособность переработать возрастающие потоки грузов могла быть компенсирована за счёт других видов транспорта, но и они в то время были развиты слабо. Освоение края было невозможно без комплексных усилий транспортников всех отраслей. Авиация могла решить ряд насущных вопросов по доставке грузов в удалённые районы. Первый самолет прилетел в Сургут ещё в феврале 1931 г. Это был небольшой аэроплан, не предназначенный для пассажирских перевозок. Через 5 лет начали осуществляться стабильные перелёты. С зимы 1955 г. в аэропорту стали базироваться два самолёта По-2, с помощью которых осуществлялись гравиметрические съёмки, необходимые для разведки нефти. Кроме того, они доставляли с озёр свежую рыбу для местного рыбоконсервного комбината. В Самарово в 1940 г. также был открыт аэропорт, который представлял в то время подготовленную площадку на левом берегу Иртыша, способную принимать в зимний сезон самолеты типа По-2, Ан-2, Ли-2, вертолеты Ми-1, Ми-4, а в летний период – гидросамолеты, производившие посадку на акваторию реки Иртыш.

Однако этих аэродромов было недостаточно. В течение 1960-х гг. были открыты новые аэропорты в крупных населённых пунктах Тюменской области. В целях более скоординированного управления в феврале 1967 г. было сформировано общее ведомство – Тюменское управление гражданской авиации. Именно оно занималось перевозками грузов на территории Ханты-Мансийского национального округа. Это управление включало в

себя на 1969 г. Тюменский, Салехардский, Сургутский, Березовский, Ханты-Мансийский объединенные авиаотряды, Тобольскую отдельную авиационную эскадрилью, аэропорт Тазовский. К 1987 г. добавились следующие предприятия: 2-й Тюменский, Урайский, Мыс-Каменский, Надымский, Нефтеюганский, Нижневартовский, Ново-Уренгойский, Ноябрьский, Тазовский, Тарко-Салинский, Тобольский и Ханты-Мансийский объединённые авиаотряды [12, с. 83]. Тем не менее авиатранспорт обладал рядом недостатков, таких как малая разовая (по сравнению с другими видами транспорта) грузоподъемность и дороговизна. Аэропорты всё также требовалось оснащать и переоснащать современной техникой и авиасудами [13, с. 248-249]. Кроме того, зачастую от аэродромов до точек строительства также не было подъездных путей. Всё перечисленное не способствовало тому, чтобы авиация стала ключевым видом транспорта в регионе.

Автомобильные дороги в Тюменской области присутствовали только на юге, а их строительство на севере требовало огромных материальных затрат. Если в районах Поволжья 1 км дороги с твердым покрытием стоил 70-100 тыс. руб., то в Среднем Приобье – 400-700 тыс. руб., а в северных районах – 1 млн руб. Гораздо более распространенной практикой была прокладка зимников – временных дорог, действующих, пока болота скованы морозом. Однако, как отмечал С.Т. Будьков, экономический эффект от них был не сравним с речным транспортом [5, с. 87-99].

Один из основоположников нефтегазового комплекса Западной Сибири Фарман Курбан-оглы Салманов уже в 1961 г. заявил, что «назревает необходимость строительства железной дороги» [см.: 9, с. 63]. Среди преимуществ железнодорожного транспорта были надёжность, высокая скорость перемещения грузов и грузоподъемность, и главное – возможность функционировать в любое время года. У строителей уже был опыт прокладки железной дороги в условиях крайне низких температур и заболоченной местности. Строительство первоначально лесовозной трассы Ивдель-Обь, проходившее с 1960 г. по 1967 г., далось с огромными усилиями. Но эта дорога с пристанью Сергино (сегодня пос. Приобье) открывала доступ на Нижнюю Обь и в более поздний период стала одной из стратегических точек освоения Западной Сибири. Достаточно сказать, что, несмотря на подчинение этой пристани Ханты-Мансийскому речному порту, в документах 1984 г. она выделена в отдельную графу, наравне с другими крупными портами Обь-Иртышского пароходства.

Борис Евдокимович Щербина, работавший в то время первым секретарем Тюменского обкома партии, писал о значении новой магистрали: «...Построенная железная дорога имеет большое народнохозяйственное значение. Она позволила вовлечь в эксплуатацию огромные лесные массивы, громадные месторождения тюменской нефти и газа... Она дала Ханты-Мансийскому национальному округу прямую железнодорожную связь с центральными районами страны, что имеет большое значение для развития экономики и культуры округа» [14, с. 186-196].

В 1962 г. начали искать лучший маршрут для железной дороги Тюмень-Сургут. Генеральным проектировщиком линии назначили новосибирский «Сибгипротранс». В 1966 г. началось её строительство, затянувшееся на 12 лет. Самая большая трудность заключалась в том, что всё приходилось создавать с нуля. Кроме того, опираться в строительстве железной дороги можно было лишь на три промышленные базы, разбросанные на большом расстоянии: Тюмень, Тобольск и Сургут. Лишь в 1978 г. железнодорожная магистраль вошла в эксплуатацию. Впоследствии она была доведена из Сургута до Нижневартовска на восток и Ноябрьска на север. Железнодорожный транспорт был дешевле, чем водный в плане эксплуатационных расходов на 1 тонну груза, стоимости подвижного состава и затрат по усилению, но единовременные затраты на строительство были колоссальны. Они составили 686 млн руб. в 1970-1975 гг. и 176 млн руб. в 1976-1980 гг. [15, с. 201].

Таким образом, к концу 1960-х гг. доставки грузов по ХМНО осуществлялись по транспортной сети, основу которой составляли пристани на основных магистральных реках Обь и Иртыш с притоками и система трубопроводов, снизившая нагрузку на речной транспорт в перевозках нефти. Наличие разветвленного водного пути, особенно на севере региона, обеспечивало доступ к районам добычи нефти и газа строящимся предприятиям. В западной части округа существенную хозяйственную помощь оказывала железная дорога Ивдель-Обь.

Однако большую часть грузооборота ложилась на речной транспорт, и, несмотря на уже разведанные водные пути и наличие определённой материальной базы, потребности в перевозках грузов возросли настолько, что имеющиеся мощности речного флота не смогли бы их осилить. На предприятиях не хватало судов и квалифицированных кадров. К 1965 г. перевозки грузов по рекам Западной Сибири на 91 % состояли из лесных, минерально-строительных (песчано-гравийные смеси, глина, песок) и хлебных грузов при показателе 79 % по СССР. Если это сопоставить с тем, что транспортировка на плотках, практиковавшаяся в Иртышском речном пароходстве, была дороже, чем на судах, то нехватка транспортных единиц в пароходстве становится ещё более очевидной [2, с. 12].

Но, несмотря на это, более экономичный речной транспорт мог относительно быстро удовлетворить потребности региона в промышленных перевозках. Для других видов транспорта необходимы были серьезные капиталовложения, отдача от которых могла быть получена спустя годы. В связи с этим именно на речной транспорт первоначально была сделана ставка при освоении нефтегазовых месторождений.

Литература

1. Целыковский П. Ф. Хозяйственный расчёт на речном транспорте. М.: Транспорт, 1983. 125 с.
2. Колесов Л. И. Речной транспорт Обь-Иртышского бассейна и перспективы его развития // Транспортное использование рек Обь-Иртышского бассейна. Новосибирск: АН СССР, Сибирское отделение, Сиб. науч.-исслед. ин-т энергетики, 1965. С. 5-27.
3. Кучкин С. А. Речной транспорт в развитии Сибири и Дальнего Востока. М.: Знание, 1969. 48 с.
4. Обь-Иртышский бассейн: Водный путь Западной Сибири // Морские вести России. Аналитика. URL: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=27092>. (дата обращения: 17.04.2019).
5. Будьков С. Т. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982. 144 с.
6. Доклад о выполнении плана эксплуатационной работы за 1984 год // Архив музея «Царская пристань», г. Тюмень.
7. Шимко А. М. Речной транспорт Западной Сибири в 1946-1960 гг. (тенденции социально-экономического развития). Новосибирск, 2002. 184 с.
8. Базанков В. А. Перспективы развития Верхне-Иртышского пароходства // Транспортное использование рек Обь-Иртышского бассейна. Новосибирск: АН СССР, Сибирское отделение, Сиб. науч.-исслед. ин-т энергетики, 1965. С. 33-39.
9. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Книга посвящена 410-летию города. Сургут : Диорит, 2005. 256 с.
10. Животкевич Н. И. Река и люди. Омск : Западно-Сибирское книжное издательство, Омское отделение, 1973. 192 с.
11. Проскуряков Б. В. Кадровое обеспечение Сургутского речного порта в 1965-1975 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 99-103.
12. Исмагилов А. А. Создание тюменского управления гражданской авиации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 82-85.

13. Куриков В. М. Окно в Югру: атлас-путеводитель 1930-2005 гг. Ханты-Мансийск, 2005. 447 с.
14. Крюков А. М. Пути и тревоги: Записки воен. железнодорожника. Петрозаводск, 1982. 288 с.
15. Авимская М. А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень – Сургут – Нижневартовск – Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 236 с.

УДК 625.711.3(091) (571.122)

Веселов С. И.
Veselov S. I.

**ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВЫХ АВТОМАГИСТРАЛЕЙ
В ХАНТЫ-МАНСЬИНСКОМ ОКРУГЕ В 1960-Е ГГ.**

**CONSTRUCTION EXPERIENCE OF THE FIRST MOTORWAYS
IN THE KHANTY-MANSI OKRUG IN THE 1960s**

В статье представлен анализ строительства сети ведомственных автодорог на пионерном этапе нефтегазового освоения Западной Сибири. Акцентируется внимание на опыте сооружения автодорог для предприятий нефтегазовой промышленности, связанном с формированием территориально-производственного комплекса. Отмечается, что сдерживающим фактором строительства первых автомагистралей являлась слабая материально-техническая база.

The article presents an analysis of the construction of a network of departmental vehicle roads at the early stage of oil and gas development in Western Siberia. Attention is focused on the experience of construction of roads for the oil and gas industry, associated with the formation of territorial production complex. It is noted that the limiting factor in the construction of the first motorways was a weak material and technical base.

Ключевые слова: автомагистраль, заказчик, подрядчик, субподрядные организации, автодорожное строительство, межпромысловая автодорога, нефтегазовое освоение.

Keywords: motorway, customer, contractor, subcontractors, road building, intra-field road, oil and gas development.

Начало нефтегазового освоения северных районов Западной Сибири сопровождалось поистине титаническими сдвигами в транспортном строительстве, в том числе и в сооружении автодорожных коммуникаций. Разработка и начало эксплуатации нефтегазовых месторождений в сложных природно-климатических условиях Ханты-Мансийского округа стало мощным импульсом создания отрасли автодорожного строительства.

Одним из главных трендов советской экономики исследуемого периода являлось формирование территориально-производственных комплексов. Их развитие предполагало взаимосвязанное размещение промышленности, планомерное и пропорциональное развитие межотраслевых и межрайонных связей [1, с. 94-95]. Комплексность в большей степени придавалась транспортной инфраструктурой, а также сетью автомобильных дорог. В этой связи вектор развития транспортной системы Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, в первую очередь, был направлен на преодоление бездорожья внутри районов интенсивного нефтегазового освоения. Слабая транспортная проницаемость территории Ханты-Мансийского округа не позволяла осуществлять интенсивные пассажирские перевозки и своевременные поставки строительных материалов, техники и оборудования на объекты, сооружаемые предприятиями нефтегазовой промышленности.

Следует отметить, что инициатива строительства крупных автомагистралей на Севере принадлежала Тюменскому областному комитету КПСС, Тюменскому облисполкому и Средне-Уральскому совнархозу. В ноябре 1963 г. партийное руководство области предложило Государственному комитету по транспортному строительству СССР (Гострансстрой) начать строительство автотрасс Тюмень – Шаим и Тюмень – Сургут с

целью ускоренного освоения углеводородных ресурсов [2, с. 195]. Обоснованные требования Тюменского обкома КПСС были подтверждены постановлением от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» [3, с. 294-299].

В феврале 1965 г. Госстрасстрой создал первые дорожно-строительные предприятия: СУ-904 с АБ-92 в Сургуте и СУ-905 с АБ-93 в Урае – с подчинением их Управлению строительства № 1 в г. Петропавловске. Возглавлял управление Ю. В. Юшков (впоследствии был назначен управляющим треста «Тюменьдорстрой»). Для координации деятельности строительных подразделений была создана оперативная группа работников в г. Тюмени [4, л. 58-59]. В начале марта 1965 г. материально-техническая база новых предприятий была перебазирована из Петропавловска в Тюмень и далее по зимнику в Сургут. И только в конце марта 1965 г. в Сургут прибыл начальник СУ-904 Н. И. Козмиренко вместе с десантом дорожных строителей [5]. К началу летнего строительного сезона СУ-904 приступили к реализации проекта автомагистрали Нефтеюганск – Сургут [6]. На юге Ханты-Мансийского округа СУ-905 начало осваивать трассу Урай – нефтепромысел Трёхозёрный. В начале своей деятельности строительные управления осуществляли вырубку леса в направлении будущих трасс и хаотично возводили социально-бытовые объекты и базы по обслуживанию дорожно-строительной техники.

В целом организационный период сопровождался значительными трудностями, что не позволило строителям СУ-904 и СУ-905 перейти к возведению дорожного покрытия. Основными причинами срыва строительно-монтажных работ являлись: неопределенность основных заказчиков, неукomплектованность кадрами, отсутствие производственно-технической базы, острый недостаток строительных материалов и механизмов, ненадежная связь как с прорабскими участками, так и с Управлением строительства № 1 в г. Петропавловске [7, л. 135].

Восстановление отраслевого Министерства транспортного строительства СССР привело к упрочению позиций транспортных строителей на Севере Западной Сибири. Заместитель министра нефтяной промышленности СССР Ш. С. Донгарян вспоминал, что в начале 1960-х гг. у них «не было подрядчика для строительства автомобильных дорог в Западной Сибири, а затащить в эти болота дорожных строителей было почти невозможно...Однако была острая необходимость в дорогах и желание решить эту проблему. И наши взоры обратились к Министерству транспортного строительства» [8, с. 106]. Вопрос с подрядчиком Миннефтепром решил без директивных мер правительства. По словам Ш. С. Донгаряна, в этом «помогла настоящая мужская дружба между В. Д. Шашиным и Министром транспортного строительства СССР Е. А. Кожевниковым» [8, с. 106]. В ноябре 1965 г. Минтрансстрой организовал трест «Тюменьдорстрой» на Севере Западной Сибири. Этот трест стал главным подрядчиком по строительству дорог для нефтегазодобывающих ведомств.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 февраля 1966 «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области на 1966-1970 годы» официально закрепило функции Минтрансстроя в качестве генерального подрядчика по строительству автодорог и аэродромов. Заказчиками выступали Миннефтепром, Мингазпром и МГА СССР [9, л. 50-57]. В итоге постановление от 3 февраля 1966 г. заложило основу ведомственного подхода в развитии автодорожной сети севера Западной Сибири. Автодороги, построенные Минтрансстроем, передавались в ведение министерств-заказчиков, которые обязывались выполнять ремонт и техническую эксплуатацию. Поэтому ведомственная принадлежность автодорог отражалась в их наименованиях. Например, в отчетах треста «Тюменьдорстрой» указывались направления строительства и принадлежность к нефтяному или газовому ведомству: автодорога Сургут

– Товарный парк Западно-Сургутского месторождения, Нефтеюганск – НСП Усть-Балыкского месторождения, которые сооружались по титульным спискам Главтюменнефтегаза [10, л. 78-81].

Для обеспечения строительства автодорог песчано-гравийной смесью Миннефтепром и Минтрансстрой согласовали схему доставки с ближайшего Калиновореченского карьера, расположенного в 27 километрах западнее Сургута. Предполагалось, что выработка гравийного материала на Калиновореченском карьере составит не менее 2,5 млн куб. метров [11, л. 116]. Строительство автодорог с твердым покрытием на Севере Тюменской области стартовало в июне 1966 г. Но к этому времени в автономном округе не были введены в эксплуатацию песчано-гравийные карьеры. Следовательно, «Тюменьдорстрой» планировал широко использовать стройматериалы из Томской, Свердловской, Оренбургской и Челябинской областей [10, л. 79].

В 1966 г. трест «Тюменьдорстрой» вёл сооружение автодорог на ключевых объектах нефтегазодобывающей промышленности: Сургут – товарный парк Западно-Сургутского месторождения, Нефтеюганск – товарный парк Усть-Балыкского месторождения, Урай – нефтепромысел Трёхозерный, Нижневартовское – Мысовая Мега, Нижневартовское – Нефтеборный парк Мегионского месторождения [10, л. 78-79]. В первые годы сооружения автодорог трест неоднократно указывал на неудовлетворительную работу заводов-поставщиков железобетонных конструкций и субподрядчиков. В 1966 г. Мочищенский завод ЖБИ не выполнял планы поставки бетонных блоков в Нижневартовское, поэтому СУ-909 срывало план по укладке автодорожных плит. В делопроизводственной документации автодорожного треста констатировалось, что сооружение мостов в Среднем Приобье велось неудовлетворительно [10, л. 83]. В 1966 г. Минтрансстрой СССР подверг критике работу треста «Мостострой № 2». Отставание строительства мостовых переходов на автомагистрали Нефтеюганск – Сургут замедляло укладку дорожных плит [12, л. 338-339]. Таким образом, из-за несвоевременных поставок и проблем у субподрядчиков трест «Тюменьдорстрой» построил всего 19 км автодорог вместо планируемых 60 км [10, л. 83].

Очевидно, что такие темпы транспортного строительства не могли быть одобрены руководством области. В конце 1966 г. на территории Тюменской области из 11,9 тыс. км общей протяженности автодорог с твердым покрытием имелось только 238 км (2% от их общей протяженности). Остальные автодороги относились к грунтово-профилированным. В то же время выделяемые капитальные вложения на автодорожное строительство позволяли ежегодно строить только 10-15 км автодорог. В сентябре 1966 г. Тюменский обком КПСС и облисполком просили Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР увеличить в ближайшие 2-3 года объём работ по строительству автодорог с твердым покрытием из расчета ежегодного прироста по 50-60 км [13, л. 139-140].

В январе 1967 г. Тюменский обком КПСС констатировал, что грузовые перевозки в Тюменской области обеспечивались только на 60%. Отмечалось, что в 1966 г. из заявленных 23,4 млн тонн грузов было фактически перевезено 13,3 млн тонн. В качестве главных причин срыва поставок называлось бездорожье и слабая материально-техническая база автомобильного транспорта [14, л. 6-7]. Перевозки, как основной индикатор развития автотранспорта, показали, что автодорожные коммуникации существенно отстают от интенсивности движения и не справляются с потоком строительных грузов в направлении нефтегазоносных районов.

К началу 1968 г. «Тюменьдорстрой» построил опорные участки автодорог Сургут – Товарный парк Западного Сургутского месторождения, Урай – нефтепромысел Трёхозерный, Нефтеюганск – причал, Нижневартовское – нефтеборный парк Мегионского месторождения. Особенностью строительства ведомственных автодорог являлась их универсальность. В поисках более эффективных путей разрешения

транспортных проблем месторождений проектировщики и дорожные строители стремились соединять коммуникациями стратегически важные объекты производственного и непроизводственного назначения: нефтепромысловую инфраструктуру, речные причалы, аэродромы и вертолётные площадки с опорным пунктом. В качестве данного пункта обычно выступали города и нефтегазовые месторождения.

В частности, так велось строительство автодороги Нефтеюганск – Сургут, которая была разделена на опорные участки. Сооружение опорного участка автодороги в Сургутском районе осуществлялось одновременно из Нефтеюганска и Сургута. В 1965 г. межпромысловые участки автодорог были спроектированы Киевским филиалом института «Союздорпроект». Внутрипромысловые участки автодороги Сургут – Нефтеюганск проектировались институтом «Гипротюмненнефтегаз». Согласно проекту, автодорога Нефтеюганск – Сургут была максимально приближена к Быстринскому и Солкинскому нефтяным месторождениям. В проекте учитывалось, что строительство совмещённого мостового перехода через р. Обь (в районе Сургута) отодвигалось на неопределённый срок [15, л. 67-68].

Строительство трассы велось силами сургутского СУ-904. В сооружении автодороги участвовали субподрядные организации: СУ-73 треста «Трансвзрывпром», «Мостострой №2», СУ-489 треста «Трансгидромеханизация». В 1968 г. СУ-489 неоднократно срывало план намыва грунта на автодороге Быстринское месторождение – левый берег р. Обь из-за нехватки грузовых автомобилей. Указанные обстоятельства в работе субподрядчиков негативно сказывались на общем темпе дорожно-строительных работ. Главной проблемой треста «Тюменьдорстрой» оставалось невыполнение плана дорожно-строительных работ. Например, в 1969 г. автодорожный трест планировал ввести в постоянную эксплуатацию 53,8 км автодорог в Среднем Приобье. Однако собственными силами дорожникам удалось ввести в постоянную эксплуатацию всего 40,6 км автодорог. В невыполнении плана аппарат треста обвинял субподрядчиков [16, л. 71].

Кроме того, в 1969 г. по приказу Минтрансстроя СССР часть строительных подразделений треста «Тюменьдорстрой» было отвлечено на строительство городских дорог в г. Сургуте. В 1969 г. СУ-904 построило городскую автомагистраль п. Нефтяников – Черный мыс протяженностью 3 км [16, л. 73]. Одновременно с этим основной подрядчик по строительству жилых домов, «Главтюмненнефтегазстрой», не стремился создавать собственные дорожно-строительные подразделения в городах Югры. Это приводило к тому, что срывалось благоустройство городских территорий [17, с. 177]. Так, например, оторванность одного поселка города от другого и отсутствие автодорог не предоставляли возможностей жителям города Сургута купить недостающие школьные принадлежности в другом микрорайоне [18, с. 227].

Любопытно, что в партийно-правительственном постановлении 1966 г. не ставилась задача перед конкретным министерством осуществить возведение городских дорог в районах нефтегазового освоения, а также решить проблемы транспортного сообщения в городах и поселках Югры. По этой причине автодорожные организации Минтрансстроя СССР вели строительство городских дорог нерегулярно, так как всё-таки главной целью треста «Тюменьдорстрой» являлось сооружение транспортной инфраструктуры к нефтегазовым месторождениям.

Низкие темпы автодорожного строительства в нефтедобывающих районах оказались в центре внимания Тюменского обкома КПСС. В августе 1969 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Тюменский обком в докладе о развитии транспорта подверг критике трест «Тюменьдорстрой» и Минтрансстрой СССР. По мнению обкома КПСС, министерству не удалось обеспечить трест материально-техническими ресурсами и ускорить темпы автодорожного строительства в нефтедобывающих районах Тюменской области в пределах 60 км в год [19, л. 26].

В восьмой пятилетке «Тюменьдорстрой» построил 156 км автодорог (на 1966-1970 гг. планировалось 300 км). Тресту рекомендовалось ликвидировать отставание в сооружении автодорог [19, л. 145, 155]. Кроме того, на выполнение плана ввода автодорог влияло отсутствие естественных месторождений стройматериалов в округе: гравия и щебня. Положение осложнялось и тем, что поставки выше указанных материалов из соседних регионов Тюменской области осуществлялись с перебоями. Впрочем, несмотря на негативную оценку деятельности треста «Тюменьдорстрой», им удалось добиться некоторого улучшения качества автодорог. В 1966-1970 гг. количество ведомственных автодорог, принятых с оценкой «отлично» и «хорошо», возросло с 81,7% до 97,6% [20, л. 12].

В целом опыт обустройства месторождений показал, что строительство автодорожных коммуникаций отставало от сооружения нефтепромысловой инфраструктуры. Подъездные пути к месторождениям прокладывались с опозданием на 1-2 года. Об этой проблеме говорилось в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». Министерству транспортного строительства СССР на 1971-1975 гг. предписывалось реализовать строительство автодорог с опережением ввода основной инфраструктуры месторождений [21, л. 66-67].

Таким образом, автодорожное строительство преодолело некоторые трудности пионерного этапа нефтегазового освоения. В это время началось создание производственно-технической базы, был сформирован основной кадровый состав строительных управлений и была организована доставка стройматериалов на транспортные объекты. Вместе с тем дорожные строители жертвовали ускоренными темпами прокладки автодорог и стремились сохранить качество дорожного покрытия на территории месторождений. На эффективности строительно-монтажных работ сказывалось отставание смежников – субподрядчиков треста.

Стремительный характер нефтегазового освоения региона также продемонстрировал, что к техническим проблемам массового сооружения автодорог в северных условиях не были подготовлены как субподрядчики, так и сами предприятия автодорожного строительства. Ускоренное освоение требовало новых технологических и организационных решений в транспортном освоении труднодоступных районов Ханты-Мансийского округа. Оставалась нерешённой проблема форсированного строительства транспортной инфраструктуры в условиях сильной заболоченности территории.

Литература

1. Карпов В. П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. № 1 (50). 2016. С. 94-95.
2. Веселов С. И. Проблемы строительства и эксплуатации автомобильных дорог Шаимского нефтедобывающего района в 1960-е гг. // Север России: стратегии и перспективы развития: мат-лы III всерос. науч.- практ. конф. Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. Т. 1. С. 195-199.
3. Нефть и газ Тюмени в документах (1901-1965). Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во. 1971. Т. 1. С. 294-299.
4. Архивный отдел Администрации г. Сургута (далее – АОАГС). Ф. 202. Оп. 1. Д. 1.
5. К победе коммунизма. 1965. 23 апр.
6. К победе коммунизма. 1965. 9 июн.
7. АОАГС. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5.

8. Донгарян Ш. С. Подвиг создателей: к сорокалетию нефти в Западной Сибири // Ветераны: из истории нефтяной и газовой промышленности. Вып. 19. М. : ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2006. 221 с.
9. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14.
10. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 39а.
11. АОАГС. Ф. 103. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 1.
13. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1. Д. 4689.
14. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4821.
15. АОАГС. Ф. 103. Оп. 1. Д. 6.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9538. Оп. 7. Д. 139.
17. Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014. 363 с.
18. Кирилук Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945-1991 гг.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2019. 400 с.
19. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5100.
20. РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 7. Д. 176.
21. ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1422.

УДК 338.45(091)(571.1)

*Тимошенко А. И.**Timoshenko A. I.***НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС
В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ СИБИРИ В 1960–1980-Е ГГ.****SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS
IN INDUSTRIAL SECTORS OF SIBERIA IN THE 1960s–1980s**

В статье анализируются проблемы индустриального развития Сибири. Сделаны выводы о том, что научно-технический прогресс является главным фактором роста сибирской индустрии, а её движение на восток во второй половине 1960-х и в 1980-е гг. было обусловлено индустриальным развитием и потребностью в освоении новых районов с богатыми природными ресурсами в интересах всего народнохозяйственного комплекса СССР.

The article analyses the problems of industrial development in Siberia. It is concluded that scientific and technological progress is the main factor in the growth of the Siberian industry, and its eastward movement in the second half of the 1960s and the 1980s was associated with the acceleration of industrial growth and the need for the development of new areas with rich natural resources for the entire national economic complex of the USSR.

Ключевые слова: Сибирь, индустриальное развитие, природные ресурсы, научно-технический прогресс.

Keywords: Siberia, industrial development, natural resources, scientific and technical progress.

Вторую половину 1960-х и 1980-е гг. со всем основанием можно считать периодом, когда в советской индустрии происходило ускорение темпов научно-технического прогресса (далее – НТП). На промышленных и транспортных предприятиях, в строительстве осваивалась новая техника, использовались передовые технологические схемы, свой вклад внесли научные новинки из мира микроэлектроники, робототехники информатики. Следует признать, что в 60–80-е гг. XX в., как новый этап в развитии индустрии, научно-технический прогресс требовал все более широкое использование природных ресурсов в экономике страны, что и обусловило ускорение хозяйственного освоения Сибири. В рамках реализации государственной стратегии развития экономики были разработаны специальные социально-экономические программы национального значения, такие как Ангара-Енисейская, Байкало-Амурская и нефтегазовая Западно-Сибирская, которые повлияли на развитие всей азиатской части России.

Повышение значимости Сибирского региона в экономике обозначило крупные капиталовложения в развитие народнохозяйственного комплекса страны, который требовал качественного преобразования производительных сил страны на новой технической и технологической основе. При этом индустрия Сибири развивалась как за счет экстенсивных факторов и значительных природных возможностей региона, так и посредством последовательно нарастающей производственной интенсификации.

Комплексная автоматизация и механизация производства в промышленности Сибири внедрялась при техническом оснащении вновь построенных заводов и фабрик и при реконструкции и модернизации промышленных предприятий. В Сибирском и Дальневосточном регионах в 1960–1980-е гг. возводились крупные объекты промышленности, становившиеся в короткие сроки передовыми в своих отраслях по

объему выпуска соответствующих видов продукции и по своему техническому и технологическому уровню. Еще на этапе проектирования данных объектов предусматривались более совершенные и высокоэффективные технические и технологические решения производственных процессов, при которых деятельность человека часто сводилась к контрольным функциям и регулировке автоматически происходящих производственных процессов.

Так, в 1960-1970-е годы Коршуновский горно-обогатительный комбинат для горнорудных предприятий стал примером практически полной механизации и автоматизации производства: производительность труда на предприятии была самой высокой в отрасли – почти 80 тонн горной массы на одного рабочего за смену. При этом железная руда добывалась открытым способом, с использованием высокопроизводительных горных машин и доставлялась в мощных думкарах локомотивами специального горнопромышленного назначения на фабрику [1, с. 160-161].

При проектировании и строительстве Коршуновского горно-обогатительного комбината специалисты учли и природные условия: производственные объекты на склоне горы в ступенчато, руда проходила все стадии обогащения, под тяжестью собственного веса руда переходила из одного отделения в другое. При изготовлении железнорудного концентрата ручной труд полностью исключался, использовалась технология мокрого электромагнитного обогащения с помощью автоматики и телемеханики. Ежегодно комбинат производил до 5 млн. т концентрата и перерабатывал 12 млн. т руды для металлургических заводов Сибири [1, с. 161].

Техническая и технологическая модернизация производственных процессов обеспечила Коршуновскому ГОКу звание самого передового в отрасли по росту производительности труда и достижению полной механизации основного производства. В 1966-1980 гг. суммарный экономический эффект от выполнения мероприятий плана внедрения новой техники составил более 5 млн руб. Техническое перевооружение, совершенствование технологии и повышение качества работ позволили предприятию превзойти проектные показатели по производству товарного концентрата – на 7%, а по добыче и переработке руды на 15%. При этом количество работников предприятия, по сравнению с проектной, уменьшилось почти на 500 человек [2, с. 105-106].

На Ачинском глиноземном комбинате благодаря использованию новейшего оборудования, высокой степени механизации и автоматизации производственных процессов обеспечивалась комплексная переработка нефелинов. Это значительно снижало себестоимость сырья для алюминиевой промышленности Сибири в сравнении с другими заводами-производителями. В результате применения комплексного подхода в организации алюминиевой промышленности в Сибири здесь по-новому проектировались и строились новые заводы по выплавке металла. На крупнейших в СССР Братском и Красноярском алюминиевых заводах были установлены мощные электролизеры с полной механизацией подачи в ванну глинозема, криолита, анодной массы, а также были автоматизированы температурный и электрический режимы электролиза алюминия, кардинально улучшены санитарно-гигиенические условия труда металлургов [1, с. 161-162].

В черной металлургии научно-технический прогресс также в большей степени присутствовал на новых предприятиях. В 1964 г. в Западно-Сибирском металлургическом комбинате была пущена первая доменная печь. На предприятии осуществлялся полный цикл производства: из железнорудного концентрата выплавлялся чугун, затем в кислородных конвертерах большой единичной мощности производилась сталь, на непрерывных прокатных станах, оснащенных установками термоупрочнения, велась горячая прокатка. В 1980 г. на комбинате было выплавлено до 8 млн. т стали и произведено 4,9 млн. т проката. В целом доля сибирской стали в общероссийском

производстве увеличилась с 13,2% в 1960 г. до 15,6% в 1980 г. Максимальный уровень производства металла в Сибири был достигнут в 1988 г. – 14,2 млн. т стали [3, с. 375].

В угольной промышленности велся напряженный поиск направлений интенсификации труда. В 1960-1980-е гг. в отрасли быстрыми темпами росла доля открытой добычи угля, которая была более механизированной по сравнению с подземной. Но полностью отказываться от подземной было нельзя, так как в шахтах Кузбасса добывался наиболее ценный коксующийся уголь Сибири. Этим и обусловлено, что, несмотря на преимущества открытой добычи, требовалось повысить эффективность подземной выемки угля.

Резервы были найдены в повышении уровня механизации подготовительных работ, предшествующих непосредственной добыче. В годы 11-й пятилетки в шахтах Кузбасса появилась новая техника, в половине забоев были заменены крепи на более современные, внедрены высокопроизводительные скоростные конвейеры для транспортировки угля и породы. Тем самым общий уровень механизации подготовительных работ превысил 60%, на очистных работах он достигал 80% и более, что это было достаточно хорошим показателем по сравнению с другими шахтами страны.

Также в Кузбассе открывались полностью автоматизированные шахты, в которых рабочие были освобождены от тяжелого ручного труда. Так, в шахте «Распадская» вместо традиционной рельсовой откатки перенос угля от забоя до выхода на поверхность осуществляли мощные конвейеры. В лавах устанавливались механизированные комплексы по добычи угля, которые производили до 90% подземных выработок. Показатели производительности труда превышали среднюю по отрасли почти втрое [4, с. 167].

Индустриализация не обошла и шахты с добычей угля открытым способом, здесь наметился рост механизации, в частности в разрезах Канско-Ачинского бассейна, где в 1980-е гг. проводилась большая работа по техническому перевооружению предприятий угольнодобывающей промышленности в связи с формированием масштабного топливно-энергетического комплекса. На разрезах бассейна отрабатывались высокопроизводительные технологические схемы, где были задействованы мощные роторные экскаваторы с высокой степенью концентрации добычных работ на одну единицу техники и драглайны с размером ковша в сто кубометров. [5, с. 72-76]. В результате предприятия Канско-Ачинского бассейна имели преимущество перед предприятиями Кузбасса в темпах роста производительности труда и объемах добытого угля. В Канско-Ачинском бассейне было добыто 8,4 млн. т топлива в 1960 г., 18,4 млн – в 1970 г., а 41,4 млн т – в 1980 г. В 1975 г. себестоимость добычи угля была в 5 раз ниже, чем в Кузбассе, и в 10 раз ниже, чем в Донбассе. Всего в 1980 г. на всех угольных месторождениях Сибири было добыто 228 млн. т угля, или 32% от всесоюзной добычи [6, с. 66-67].

На предприятиях машиностроения НТП развивался тоже высокими темпами. При этом заводы своей продукцией обеспечивали техническое и технологическое совершенствование практически всех отраслей народного хозяйства. Заводы Сибири выпускали одну четвертую часть союзного выпуска литейного оборудования, 12% энергетических машин, более 13% технологического оборудования для лесной и деревообрабатывающей промышленности. Здесь производились уникальные многотонные электродуговые сталеплавильные печи, турбо- и гидрогенераторы мощностью до 1 млн. кВт и более, станки-автоматы и полуавтоматы, универсальные горизонтально-расточные станки с программным управлением, мощные гидропрессы, тракторы, комбайны и другую сельскохозяйственную технику. Всё это было требовалось в народном хозяйстве СССР в целом и в Сибирском регионе в частности [6, с. 74].

На передовой НТП были предприятия военно-оборонного комплекса СССР. В Сибири в послевоенные годы стремительно развивалась атомная промышленность и предприятия, которые разрабатывали ракетно-ядерные вооружения с помощью новейших

научно-технических достижений. 2 июня 1964 г. в закрытом городе Красноярск-45 (ныне Зеленогорск) был создан новое предприятие – Красноярский электротехнический завод, где использовалась новая высокопроизводительная технология обогащения урана при помощи промышленных газовых центрифуг. Инженеры внедрялись автоматизированные системы управления производством, разрабатывали уникальные монтажные, наладочные, пусковые, эксплуатационные методики. Так была отработана схема достижения наивысшей производительности центрифужного метода, позволившая повысить эффективность разделения высокообогащенного урана-235 в 250-730 раз. Использование газовых центрифуг позволило нарабатывать оружейный уран более экономичным, чем ранее, способом [7, с. 112].

Масштабы работ по программе особенно возросли в 11-12 пятилетках. В 1984 г. правительство СССРП определило программу «Сибирь», научным руководителем которой был назначен академик А. А. Трофимук, как важнейшую долгосрочную программу государственного значения. Полученные в ходе работы над программой материалы шире использовались при подготовке пятилетних планов и в качестве предложений и рекомендаций для внедрения в народном хозяйстве. Экономические расчеты показывали, что опережающие темпы производственного развития Сибири способствовали повышению эффективности советского народного хозяйства.

Эффективность программы «Сибирь» сделала возможным включение региональных научно-технических программ (далее – РНТП) в единую систему программно-целевого планирования в стране, после чего они стали директивно адресными документами, которые в целях эффективного комплексного использования производительных сил Сибирского региона определяли задания, согласованные по ресурсам, исполнителям и срокам, на проведение научных исследований, разработку научно-технических мероприятий, создание производственных мощностей. Во второй половине 1980-х гг. в реализации программы принимали участие более 700 организаций исполнителей, представляющих 93 министерства союзного и республиканского подчинения [8, с. 100-101].

Однако вместе с успехами в индустриальном развитии Сибири были и проблемы комплексного развития предприятий, совершенствования их межотраслевых связей и взаимодействий, которые с трудом решались или не могли быть решены. На совещаниях и соответствующих мероприятиях по обсуждению проблем развития производительных сил Сибири поднимался вопрос недостаточности производства специальной техники и оборудования для работы на северных территориях в зимнее время. В 1976 г. на высшем уровне было принято решение о строительстве в Красноярске завода по производству тяжелых экскаваторов для работы на угольных разрезах Сибири, в том числе и в связи с планами создания КАТЭКа. В декабре 1982 г. на вскрышный комплекс Ирша-Бородинского разреза поступил первый экскаватор. В 1990-е гг. в связи с экономическими факторами «Красноярсктяжмаш» производство техники было свернуто, хотя в настоящее время продолжается производство тяжелой горной техники и оборудования.

Кроме того, преимущество в наращивании темпов развития технического и технологического процесса имели предприятия тяжелой промышленности, которые были в той или иной степени связаны с военно-оборонным комплексом. Остальные отрасли народного хозяйства, особенно легкая и пищевая промышленность Сибири и Дальнего Востока, значительно отставали в этом плане. Но были и отдельные предприятия, такие как меланжевый и хлопчатобумажный комбинаты в Барнауле, обувная фабрика «Ангара» в Иркутске, овчинно-меховая фабрика в Чите, мясоконсервный комбинат в Улан-Удэ и др., которым в 1960-1980-е гг. удалось осуществить модернизацию в части оснащения новой техникой и более производительными машинами.

Например, в Красноярском крае на предприятиях легкой промышленности было установлено в 1966-1970 гг. свыше 2 500 единиц нового оборудования, внедрено 25

конвейерных линии. На Красноярском комбинате шелковых тканей старое оборудование полностью было заменено новыми высокопроизводительными станками. Вследствие этого повысилась производительность труда и улучшились условия работы. Производство тканей из шелка возросло в несколько раз, достигнув в 1975 г. 63 млн. погонных м. В результате увеличения парка оборудования, замены устаревшего оборудования новым, капитального строительства, реконструкции предприятий, значительно возросли основные промышленно-производственные фонды легкой промышленности Сибири. За десятилетие (1971-1980 гг.) они увеличились в Кемеровской области в 5 раз, в Бурятской АССР – в 2 раза [6, с. 78].

Под влиянием научно-технического прогресса коренным образом менялся труд в строительстве Сибири, которое ещё в годы четвертой пятилетки стало переходить на индустриальные методы строительного производства. Темпы их внедрения значительно возросли в 1950-1960-е гг. и ещё более ускорились в последующий период. В промышленном и в социальном строительстве росла энерговооруженность и механовооруженность труда, ускоренно увеличивался парк строительных машин и механизмов. Это позволяло значительно повышать уровень механизации труда и улучшать его условия.

Позитивные стороны использования индустриальных методов производства особенно проявились в строительстве промышленных объектов. Например, в Красноярском крае и в Иркутской области при возведении заводов по производству алюминия уже широко применялись научные и технические достижения в области строительства: использовались фундаменты на сваях, стеновые панели, сборные железобетонные конструкции. Это вело к сокращению трудозатрат и сроков строительства предприятий. Например, сооружение основных цехов Братского алюминиевого завода от нулевого цикла до кровельных работ превратилось в процесс сборки железобетонных и металлических конструкций, изготовленных на заводах в стационарных условиях. Так достигались ранее невиданные темпы строительства. Вместо 11 месяцев на монтаж корпуса электролиза уходило в два раза меньше времени [9, с. 62].

На строительной площадке Усть-Илимского лесопромышленного комплекса в годы 10-й пятилетки было смонтировано 150 тыс. т металлоконструкций, 300 тыс. кв. м стеновых и кровельных панелей, десятки тысяч тонн оборудования. Основной объект комплекса – целлюлозный завод в Усть-Илимске – был построен как моноблок объёмом более 4 млн. куб. м, который состоял из десяти основных производственных цехов. Это было впервые в отечественной практике, такая организация строительства позволила снизить площадь застройки на 12 га и сократить затраты примерно на 900 тыс. руб. [9, с. 62].

Индустриальные методы использовались также и в транспортном строительстве при сооружении железнодорожных линий, строительстве мостов и ЛЭП. В процессе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в широких масштабах развернулась прокладка трубопроводов. В 1960–1980-е гг. от крупных сибирских месторождений были проложены трубопроводы для транспортировки нефти и газа. 3 ноября 1965 г. был введен в эксплуатацию первый нефтепровод, Шаим–Тюмень, протяженностью 410 км. В 1970-е годы сооружались самые мощные магистральные газо- и нефтепроводы из северных районов Западной Сибири, внедрялись новые высокопроизводительные технологии в данной области, в частности, применялась новая техника, использовались трубы большого диаметра, что позволило уже в годы девятой пятилетки (1971-1975гг.) ввести в эксплуатацию 5,4 тыс. км магистральных нефте- и газопроводов. Строительство самых протяженных из них – нефтепровода «Дружба», газопроводов Медвежье–Урал–Центр, Уренгой–Центр, Уренгой–Помары–Ужгород – стало национальным достижением, по оценкам отечественных и зарубежных специалистов.

В жилищном и социально-бытовом строительстве основным направлением индустриализации было сооружение зданий в крупноблочном и панельном исполнении. В крупных городах Сибири создавалась с использованием новых материалов и технологий промышленная база домостроения, которое пользовалось в основном типовыми проектировками. В целом индустриализация строительной отрасли в регионе в 1970-е гг. постепенно стала снижать темпы роста, незначительно увеличивалась и производительность труда. Низкая эффективность труда строителей была обусловлена отсутствием или недостаточным количеством высокопроизводительной техники, средств малой механизации и инструментов. Промышленные предприятия требовали серьезной реконструкции и модернизации. Принятое в августе 1985 г. постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии индустриализации и повышении производительности труда в капитальном строительстве» лишь констатировало неблагоприятное состояние отрасли. Никаких кардинальных мер по улучшению ситуации в строительном производстве принято не было. Отрасль, как и все народное хозяйство СССР, вскоре оказалась в глубоком экономическом кризисе [9, с. 64].

Стоит отметить, что в 1960-1980-е гг. под влиянием научно-технического прогресса на предприятиях сибирской индустрии более успешно, чем в предыдущий период, решались социальные проблемы. Постепенно в прошлое уходил тяжелый и бесперспективный ручной труд. Механизация и автоматизация производства способствовали улучшению условий производственной деятельности тысяч рабочих. Широкое внедрение в промышленное производство поточных линий позволяло снизить трудоемкость изделий. Были автоматизированы многие вредные для человеческого организма производства, в значительной степени сокращалась доля ручного труда, хотя в некоторых отраслях (в строительстве, на транспорте) ручной труд так и не был изжит. В меньшей степени он присутствовал в промышленности, особенно на вновь построенных предприятиях, где технологические решения изначально предполагали в основном автоматизированные и высокомеханизированные процессы труда.

Научно-технический прогресс на предприятиях Сибири имел и негативные последствия. Рост индустриального производства в регионе во второй половине XX столетия резко обострил экологические проблемы, выдвинул на повестку дня проблему сбалансированного взаимодействия природы и общества. Особенно остро данная проблема проявилась в районах с высоким уровнем развития промышленного производства. Здесь крупное промышленное производство, связанное с переработкой огромного количества сырья и топлива, порождало большую массу отходов, загрязняющих атмосферу, воду и почву вело к истощению сибирских природных ресурсов, ещё сравнительно недавно оценивающихся как неисчерпаемые. Экономия средств на строительстве очистных сооружений и их недостаточная эффективность приводили к нарушению сложившегося природного равновесия в регионе, загрязнению не только городов, где сосредотачивалось, как правило, промышленное производство, но и прилегающих к ним территорий, рек и других водоемов.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что научно-технический прогресс способствовал повышению уровня развития индустриальных предприятий различного профиля. Вместе с тем, развитие индустрии способствовало ухудшению экологического состояния окружающей среды. Тем не менее, мы считаем, что развитие сибирских предприятий вносило существенный вклад в экономику государства, особенно значимым был вклад оборонной промышленности Сибирского региона.

Литература

1. Комогорцев И. И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959-1965 гг.). Новосибирск : Наука. 1971. 310 с.

2. Долголюк А. А. Научно-технический прогресс на предприятиях и стройках Братско-Усть-Илимского ТПК (1955–1980 гг.) // Социально-экономические проблемы научно-технического прогресса в сибирской индустрии (1950–1980-е гг.) : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 1990. С. 94-124.
3. Историческая энциклопедия Сибири / РАН, Сиб. отд-е, Ин-т истории; гл. ред.: В. А. Ламин ; редкол.: С. С. Букин и др. Т. 1. Новосибирск : ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. 715 с.
4. Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири, 1950–1980-е годы. / отв. ред. И. И. Комогорцев; кол. авт. Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии Новосибирск: Наука, Сиб.отд-е, 1989. 271 с.
5. Тимошенко А. И. Рождение гиганта. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1987. 133 с.
6. Рабочий класс Сибири, 1961–1980 гг. Новосибирск : Наука, Сиб.отд-е, 1986. 357 с.
7. Савицкий И. М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.) // Ответственный редактор В. И. Шишкин. Новосибирск : Сибирское книжное издательство, 2011. 352 с.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010. 783 с.
9. Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск : Параллель, 2013. 476 с.

УДК 658 (091)(571.122)

*Попок В. А.**Popok V. A.*

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРЕСТА «СУРГУТГАЗСТРОЙ»

TECHNICAL SUPPORT OF THE ENTERPRISES OF THE “SURGUTGAZSTROY” TRUST

В статье рассматривается процесс формирования технического обеспечения строительного треста «Сургутгазстрой» в 1965–1992 гг., выявляются проблемы в данной области. Делается вывод о том, что основным фактором сбоев в работе предприятий треста являлось несвоевременные поставки необходимого оборудования и запасных частей.

The article describes the process of technical support formation of the construction trust “Surgutgazstroy” in 1965–1992. The issues are highlighted. The conclusion that the main factor in the failure of the trust enterprises was the misplaced delivery of the necessary equipment and spare parts is made.

Ключевые слова: материальное обеспечение промышленности Сургута, управление материально-техническим снабжением, история становления предприятий нефтегазового комплекса, история промышленного строительства.

Keywords: supply support for the Surgut industry, inventory management, formation history of oil and gas complex, history of industrial construction.

Освоение Западной Сибири началось стихийно и быстрыми темпами при отсутствии в регионе предприятий строительного комплекса и развитой транспортной инфраструктуры, в результате чего перед строительными организациями остро встал вопрос материально-технического обеспечения [1, с. 90]. Серьезной проблемой при его решении стала удаленность осваиваемого региона, поэтому все поставки в Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) осуществлялись через ближайшее связующее звено – Тюмень. Обустройство «нефтегазовой целины» требовало значительного объема строительных материалов, техники и оборудования. Мощностей советских заводов было не хватало, поэтому часть техники и оборудования закупалась за рубежом [2, с. 296].

Анализ доступных материалов позволил выделить несколько основных проблем треста «Сургутгазстрой», связанных с техникой:

- острая нехватка техники, строительного оборудования и его неграмотная эксплуатация;
- отсутствие ремонтной базы, дефицит запасных частей, деталей и инструмента к ним;
- отсутствие постоянной и в необходимом количестве электроэнергии.

Рассмотрим каждую из выделенных проблем по отдельности и проследим последовательность решения их руководством треста на каждом этапе его деятельности.

Технику и оборудование для строительных организаций треста «Сургутгазстрой» в регион доставляли всеми доступными методами. Первый транспорт прибыл вслед за людьми по зимнику [3, с. 141]. В апреле 1966 г. завезли самолетами автокран, бульдозер и экскаватор. Таким образом, часть техники на начальном этапе была завезена, но необходимый автопарк укомплектовать не удалось. Для решения этой проблемы все автотранспортные хозяйства, принадлежащие Главтюменнефтегазстрою и располагающиеся на территории поселка Сургут, перешли в подчинение «Сургутгазстрою»

[4, с. 394]. Помощь оказывали и субподрядные организации, предоставляя управлениям треста автокраны, тягачи и землеройные машины.

Проблема недостаточного количества автотранспорта (в понятие автотранспорт нами включены легковые и грузовые машины, спецтехника и спецтранспорт) и оборудования ярко прослеживалась, начиная с первых дней деятельности треста. К началу деятельности в трест были доставлены: стационарные дизельные электростанции «Шкода» – 4 шт., передвижные электростанции всех марок – 57 шт., электросварочные агрегаты – 29 шт., электросварочные трансформаторы – 9 шт., строительные краны «Пионер» – 11 шт., строительные краны «Москвич» – 9 шт., подъемники – 9 шт., ленточные транспортеры – 6 шт., бетономешалки всех марок – 19 шт., растворомешалки всех марок – 41 шт., компрессоры передвижные ДК-9, ЭИФ-55 – 7 шт., станки токарно-винторезные ЛИ-95 – 3 шт., станок токарно-винторезный ЛА-95 – 1 шт., станок вертикально-сверлильный 2А-150 – 1 шт., механические отрезные станки 812-А – 2 шт., прочее металлообрабатывающее оборудование – 17 шт., деревообрабатывающее оборудование – 55 шт., парообразователи – 4 шт., трансформаторы ТМОА-50 – 8 шт., насосы центробежные – 22 шт. [5, д. 3, л. 220]. Часть техники Главтюменнефтегазстрой не мог предоставить в необходимом количестве на протяжении всего начального этапа: автокраны, краны на гусеничном ходу, краны К-161, башенные краны, бульдозеры и трубоукладчики. В результате «Сургутгазстрой» эксплуатировал имеющееся оборудование в две полные смены [5, д. 12, л. 108].

В самом начале деятельности треста многие заводы Союза присылали посильную помощь первопроходцам, осваивающим такой непростой регион. Так, в мае 1966 г. автомобилестроители Уральского автозавода прислали сибирским нефтяникам, чьим мужеством они восхищались, 5 вездеходов модели «Урал-375». Следует отметить, что собирали эти автомобили в нерабочее время [4, с. 31]. Из Тюмени везли счетные машины; изоляционные машины доставлялись с завода «Центролит» г. Гомель [5, д. 47, л. 217]; высококачественные преобразователи, насосы МВН-15 и РЗ-3, а так же обдувочные аппараты, электромайзеры, бетономешалки, насосы для котельных и форсунки ГМГ – из Тюмени, Сызрани, Ярославля и Таллина [5, д. 48, л. 71]; оборудование для водопонижения из Киева и Харькова [5, д. 92, л. 139]; пилорамы – из г. Урай [5, д. 91, л. 6]; трубы – из Бийска [5, д. 91, л. 137]; кровельные установки привозили из Полтавского завода строительных машин [5, д. 230, л. 115].

Таким образом, в конце 1968 г. на строительных площадках «Сургутгазстроя» было сосредоточено более сотни механизмов [6, с. 90]. С 1969 г. за подразделениями треста были закреплены спецавтомобили для перевозки людей к месту работы и обратно. Эти машины были оборудованы специальными тентами и будками, и за их выходом на линию был установлен жесткий контроль [5, д. 25, л. 99].

Следует отметить, что в 1966 г. трест «Сургутгазстрой» вопросами материально-технического снабжения не занимался. Это важное направление деятельности было отдано на откуп СУ-9, которое заведовало обеспечением необходимой техникой всех строительных управлений на протяжении первого года существования треста, а с 1967 г. снабжение было передано в ведомство автобазы №4. Закупки производились за счет фондов выделенных КМТС треста и УМТС «Главтюменнефтегазстроя» [5, д. 4, л. 223]. Оборудование, техника и запасные части к ним централизованно доставлялись на погрузочно-разгрузочный участок, в который по мере необходимости каждое строительное управление отправляло заявки с требованием [5, д. 2, л. 27].

Посильную помощь оказывали предприятия других ведомств. Так, в 1968 г. автобаза № 4 дополнительно предоставила строительным подразделениям треста 21 автомобиль: 10 бортовых, 6 самосвалов, 3 лесовоза, 1 бульдозер и 1 тягач. Впрочем, для обеспечения нормальной работы тресту требовалось как минимум еще 18 бортовых автомобилей, 8 самосвалов, 4 панелевоза, 4 лесовоза, 2 бульдозера, 4 автокрана, 2 трубоукладчика и 2 трактора-тягача [5, д. 6, л. 227].

Ввиду хронической нехватки автотранспорта трест был заинтересован в максимальном использовании каждой единицы в производстве, однако ввиду ряда причин добиться этого в полной мере не удалось [7, с. 116]. Об этом свидетельствует проведенная нормативной исследовательской станцией в 1967 г. фотография времени использования пяти автомашин средней грузоподъемностью 8 тонн, занятых на одном погрузочно-разгрузочном участке. Результаты наблюдений показали, что в течение рабочей смены пять автомашин, разовая грузоподъемность которых достигала 40 тонн, фактически перевезли 69,3 тонны различного груза при средней продолжительности маршрута 6 км, тогда как по нормам полагалось перевезти не менее 200 тонн. Таким образом, эффективное использование автотранспорта составило всего 34,6 %.

Не меньше проблем создавала принятая система учета обеспечения автотранспортом и механизмами подразделений треста, осуществлявшаяся крайне неудовлетворительно. Сведения представлялись либо разными лицами, без подписей начальников участков, либо не регулярно, либо с большим опозданием, либо вообще не предоставлялись. Проверкой было отмечено искажение предоставляемых данных против действительных результатов. Такая безответственность приводила к путанице и неразберихе фактического состояния дел, что затрудняло контроль над качеством выделенных средств механизации и автотранспорта.

В 1968 г. в подразделениях треста была установлена новая система: все механизмы были распределены по строительным управлениям, для каждого строительного управления было определено место явки автотранспорта, и все сведения регулярно подавались в диспетчерскую службу треста. Также была введена ежедневная регистрация транспорта перед началом рабочего дня и сдача путевых листов по окончании смены. Такая система позволила упорядочить рабочие моменты, касающиеся использования техники, однако всех проблем не решила. На протяжении первого этапа отмечались массовые приписки рабочих часов работниками треста и использование машин не по назначению, что искажало реальную рабочую обстановку [5, д. 17, л. 166].

Руководители строительных управлений на протяжении всего начального этапа не уделяли необходимого внимания контролю над поставками и комплектацией оборудования, поставляемого заказчикам объектов промышленного и коммунального строительства. Некоторое монтажное оборудование доставлялось не в полном сборе необходимых конструкций, а так же имелись случаи поломок и деформаций сборных деталей и конструкций. Нужно отметить, что оборудование на причалах хранилось в хаотичном, разукomплектованном состоянии, поскольку комплектация его не была централизована и пущена на самотек [5, д. 2, л. 32]. Монтажникам, перед установкой и сборкой узлов металлических конструкций объектов, приходилось тратить много времени на поиски необходимых деталей, исправление изогнутых или переделке поломанных или нестандартных конструкций. Отсутствие необходимых сборных конструкций влекло за собой замены другими видами проката, а отсутствие таковых приводило к замораживанию таких объектов, как, например, цех железобетона, главный корпус геофизики, ремонтно-машинную мастерскую, холодильники и овощехранилища и других в 1966 г. [5, д. 2, л. 31]. И, если учесть еще недостаточный опыт производства монтажных работ ИТР и рабочих, то естественно, что производство монтажных работ на начальном этапе в строительных управлениях находилось не на должной высоте.

Оборудование, доставленное в регион, складировалось и отпускалось из отдела материально-технического снабжения треста (ОМТС) треста. Проверкой был выявлен отпуск оборудования, электроприборов, электроинструментов и специального инвентаря со складов без разрешения отдела главного механика треста (ОГМ), что приводило к бесконтрольности расходов и нарушало порядок их учета. Так, например, без визы ОГМ треста в 1967 г. летом были отпущены со складов тросы 12,5 мм, дисковые пилы и стропы для причала, предназначенные для других целей. А проводов А-25, кабеля МКПВ и

проводов АПР отписано СУ-8 сверх требуемого изначально, что повлекло перерасход. Кроме того, по вине отдела материально-технического снабжения, оборудование, электроинструмент и запорная арматура, прибывшие от поставщиков в течение двух месяцев не были оприходованы, ими были забиты складские помещения, предназначенные для хранения материалов другого назначения, которые соответственно бы могли быть приняты на хранение [5, д. 7, л. 159].

Отсутствие необходимого количества материалов на складах становилось причиной простоев в работе предприятий треста. Так, нехватка например кислорода, сварочных аппаратов и инвентаря к ним серьезно влияли на качество сварочных работ. Отсутствие необходимых марок электродов в необходимом количестве, повлекло за собой применение случайно раздобытых электродов более низкого качества, что поставило под угрозу снижения качества работы сварных узлов строительно-монтажных конструкций [5, д. 2, л. 40]. Помимо этого не было доставлено достаточное количество горюче-смазочных материалов, по этой причине строительные организации и автобаза на начальном этапе часто оставались без ГСМ до начала навигации и вынуждены были где-то изыскивать их, что было очень сложно и дорогостояще в условиях Крайнего Севера [5, д. 4, л. 367].

Недостаточный контроль над своевременностью поставки заказчиками оборудования приводил к длительным задержкам при выполнении монтажных работ и срыву ввода строящихся объектов в эксплуатацию в установленные сроки [8, с. 56]. Управлениями не проверялось наличие у заказчика нарядов на поставку основного оборудования, в процессе строительства объектов трест и стройуправления не имели точных сведений о ходе комплектации, о наличии, качестве и комплектности поставленного оборудования. Порой оборудование заказчиком вывозилось в разукomплектованном, неисправном состоянии, не соответствующем спецификациям проекта, не обеспечивалась его сохранность во время монтажа. Так, до 1971 г. СУ-9 не имело полного комплекта оборудования для прачечной, построенной с 1969 г. А больничный комплекс, построенный СУ-8 в 1968 г., до 1972 г. не имел ремонтно-механической мастерской (РММ), кислородной, котельной и термохимической установки (ТХУ) товарного парка. Таких примеров можно приводить множество, трест и строительные управления требовали от заказчика предоставлять реальный график передачи оборудования и материалов, и с 1972 г. подрядные договоры без этого графика «Сургутгазстрой» не заключал [5, д. 7, л. 159]. В ходе второго этапа в решении вопроса наметилась положительная динамика, к третьему этапу проблема была полностью решена.

Таким образом, первый этап деятельности треста показал массу проблем с техническим обеспечением. Сразу на начальном этапе трестом были предприняты множественные усилия по их решению [5, д. 48, л. 116]. В результате удалось снизить остроту проблемы, но частичного или полного решения на начальном этапе так и не произошло, все вышеназванные трудности в том или ином виде сопутствовали всему этапу становления «Сургутгазстроя».

На втором этапе в вопросе обеспечения треста транспортом и оборудованием наметились определенные положительные изменения. Завершено строительство собственной базы материально-технического снабжения (МТС), начатое в 1973 г. [5, д. 48, л. 116]. В 1978 г. трестом получено 316 единиц техники, таким образом, на 1 января 1979 г. на балансе «Сургутгазстроя» находилось 885 единиц машин. С 1979 г. была полностью удовлетворена потребность треста в бетономесителях и растворомесителях, таким образом, строящиеся объекты централизованно снабжались необходимыми растворами. В том же году в трест были доставлены теплогенераторы и электрокалориферы (по 11 штук), что позволило проводить отделочные работы в зимнее время. Также к середине второго периода несколько улучшилась работа по внедрению средств малой механизации в некоторых строительных управлениях (СУ-9, СУ-14 и СУ-50). Увеличилось число погрузочно-разгрузочных и других механизмов. Трестом было получено и запущено в

работу 7 транспортеров ТК-14, 18 кранов «Пионер», 2 автопогрузчика, трактор Т-40, 2 трактора Т-25 и 6 водоотливных насосов [5, д. 109, л. 9].

В 1982 г. трестом «Сургутгазстрой» было закуплено большое количество металлорежущего и сварочного оборудования, а так же необходимой техники в городе Тольятти Куйбышевской области на заводе ВАЗ. Некоторая крупная техника была приобретена на заводе «Пневмостроймашин» города Свердловск [5, д. 296, л. 120], трактора моделей К-701, Т-130 и «Кировец» и талера в городе Тюмень у треста «Тюменьгазмеханизация» [5, д. 296, л. 162]. Необходимое электрооборудование было завезено годом ранее из Тюмени и Уфы [5, д. 291, л. 21]. Таким образом, трест был укомплектован необходимым оборудованием, что значительно изменило принцип работы «Сургутгазстроя».

Что касается работы диспетчерской службы, введенной в первом этапе, то она продолжала оставаться неэффективной, ввиду человеческого фактора. Приписки и простои продолжали оставаться неизменно стабильными [5, д. 207, л. 5]. Сохранялась также проблема реализации строительных материалов, поступающих в адрес управления производственно-технической комплектации (УПТК) треста на сторону по вине «Тюменспецкомплектгазстрой», занимающихся их распределением. Так, в 1981 г. 2 вагона фибролита были ошибочно отправлены «Сургутнефтепромстрою», а 1 вагон КЛПП-1 тресту «Нефтеюганскспецмеханизации». Эти ошибки возникали ввиду безответственности УМТС Главка за доставку стройматериалов потребителю [5, д. 209, л. 91].

Вторая из трех крупных проблем – неудовлетворительное снабжение подразделений треста запасными частями. На первом этапе осваивалось лишь до 70 % финансов, выделенных на капремонт [5, д. 200, л. 106], однако полностью план капитального ремонта машин и механизмов не выполнялся. К тому же ощущался недостаток в ремонтных мастерских и доставке необходимых автозапчастей. Из-за отсутствия ремонтной базы, запасных частей, инструмента механизмы эксплуатировались без проектов производства работ (ППР), работая на износ, ремонт производился только аварийно [5, д. 2, л. 28]. По мере потребности в обновлении и ремонте техники, инженеры организации командировались в Тюмень и Тобольск, так как ближайшие крупные ремонтные базы располагались только там. Отсутствие электрооборудования, электромагнитных пускателей, кнопок их управления, проводов, осветительных приборов влекло за собой простои механизмов, что сдерживало механизацию трудоемких работ. Все вышеизложенное повлекло к увеличению затрат на ручной труд и не давало выполнять требуемые объемы работ [5, д. 2, л. 28]. Некоторые работы вручную было выполнить невозможно, и они попросту не выполнялись.

За 1966 г. большая часть строительных управлений не получали запасных частей, инструмента и материалов на эксплуатацию и ремонт механизмов [5, д. 2, л. 28], а те, кто получали, отмечали их крайне недостаточное количество. Запасные части для оборудования закупались в Тюмени, Омске, Свердловске и Подольске [5, д. 46, л. 66], а так же их привозили из Новокузнецка и Новосибирска; подшипники привозили из г. Электросталь; запасные части по дизелям «Шкода» – из Новосибирска [5, д. 48, л. 137]; радиотовары и запасные части к ним поставляли из г. Йошкар-Ола [5, д. 416, л. 220]. Особенно плохо обстояло дело с поставкой запасных частей для сварочных агрегатов АСБ-300, растворомешалок и ЗИП к пилам «Дружба» [5, д. 3, л. 224].

База по капитальному ремонту оборудования располагалась в СУ-9, но ввиду отсутствия запасных частей, станков и рабочих необходимой квалификации база не обеспечивала качественного ремонта машин и механизмов. Списанная и разукомплектованная техника никак не восстанавливалась [5, д. 7, л. 27]. Для повышения качества ремонта тресту было необходимо обеспечить базы всем необходимым [5, д. 4, л. 223].

В 1968 г. в целях централизации проведения капитальных и средних ремонтов строительных механизмов и оборудования и обеспечения ими объектов строительства, а также сосредоточения в одном цехе дизельных установок, СУ-8 и СУ-9 передали со своего баланса помещения мастерских и кузницы с установленным в них станочным оборудованием, складскими помещениями, обслуживающим персоналом на баланс треста [5, д. 7, л. 27].

С 1979 г. при УПТК появился участок малой механизации (УММ) в задачу которого входил ремонт средств малой механизации. С этой задачей УММ на втором этапе еще не справлялся, но сам факт организации говорит о положительной тенденции в этом вопросе. УММ параллельно занимался монтажом оборудования, изготовлением металлоконструкций и запасных деталей. Для более рационального использования участок необходимо было перевести на хозрасчет и создать при нем отделения изготовления и внедрения новой техники, ремонта средств малой механизации и изготовления металлоконструкций [5, д. 209, л. 71], однако на втором этапе этого не произошло. УММ распрылял время и ресурсы, занимаясь несвойственной для него работой, и поэтому был малоэффективен.

На третьем этапе необходимо было в первую очередь наладить учет оборудования, классифицировать его и провести мониторинг состояния техники [5, д. 391, л. 1]. Проверка показала, что коэффициент использования имеющихся механизмов крайне низок, на балансе треста числилось оборудование, поставленное еще в 1983 г., а вплоть до 1986 г. оно так и не было установлено. Не соблюдались условия хранения оборудования, в результате его часть была разукомплектована, не подлежала переписи, и излишние запасные части не реализовались [5, д. 391, л. 116]. Исходя из вышеперечисленного, первоочередной задачей треста на третьем этапе было наведение порядка в использовании техники, что в большей мере произошло, однако сказать, что проблема была решена полностью, мы не можем.

Третьей крупной проблемой стала недостаточная электрификация региона и нехватка мощности энергоресурсов. Имеющееся на первом этапе оборудование, механизмы и инструмент использовались в подразделениях треста неудовлетворительно из-за недостаточного количества понижающих трансформаторов и преобразователей частоты тока. Помимо вышеназванных трудностей сыграла свою роль отрицательная работа всей энергосистемы в целом [5, д. 3, л. 219]. Чтобы добиться ритмичной работы, в 1967 г. было решено начать строительство собственной котельной в поселке Строителей за Саймой на 3 котла с площадью нагрева 500 м², а так же сдать в эксплуатацию котельную в деревообрабатывающем цехе (ДОЦ) с двумя водогрейными котлами «Тула-11» и двумя паровыми котлами ВГД-25. Ситуация энергодефицита сопровождала трест на протяжении первого периода, пока в 1971 г. не состоялся частичный пуск ГРЭС-1, а в 1972 г. она была запущена полностью. На втором этапе мы не отмечаем проблем с нехваткой электроэнергии [9, с. 154]. В 1985 г. состоялся ввод в эксплуатацию первого блока ГРЭС-2, и развивающийся город получил мощный приток энергии.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на протяжении всей своей деятельности трест решал проблемы, связанные с оборудованием, с его закупками, поставками и ремонтом. На протяжении первого и второго этапов существовала проблема нехватки механизмов и деталей, а так же ремонтных баз по их обслуживанию, на протяжении третьего – возникла проблема с установкой и эксплуатацией привезенных машин. К концу деятельности треста ситуация значительно улучшилась, однако о полном решении данной проблемы говорить не приходится.

Литература

1. Прищепа А. И. Из истории проектирования города Сургута. Сургут, 2012. // Северные рубежи истории: мат-лы межвуз. науч. конф. с междунар. участ., посв. 10-летию историч. фак-та Сургутского государственного университета (1-3 марта 2012 г., Сургут). Екатеринбург ; Сургут, 2012. С. 131-133.
2. «Сургутнефтегаз: право быть первым». Сургут : ОАО «Сургутнефтегаз» РИИЦ «Нефть Приобья», 2007. 368 с.
3. Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 95-100.
4. Нефть и газ Тюмени в документах : в 3-х томах. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1. 479 с.
5. Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 72. Оп. 1.
6. Сургут и сургутяне : Рассказ о людях и времени / сост. Г. В. Кондакова. Тюмень Предприниматель Ю. Л. Мандрика, 1998. 255 с.
7. Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень : изд-во ТюмГНГУ, 2005. 160 с.
8. Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 – начало 1990-х гг.). Сургут : Дефис, 2016. 258 с.
9. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут : Диорит, 2005. 256 с.

Кузнецова А. А.
Kuznetsova A. A.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВЕНТИСТОВ СЕДЬМОГО ДНЯ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЯМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1970-Е ГГ.

ACTIVITIES OF SEVENTH DAY ADVENTISTS AND THEIR RELATIONS WITH THE AUTHORITIES IN WESTERN SIBERIA IN THE 1960s–1970s

В статье рассматривается деятельность религиозной общины адвентистов седьмого дня в Западной Сибири, анализируются причины их внутреннего раскола. Исследуются взаимоотношения адвентистов седьмого дня с местными властями и вклад данного протестантского течения в развитие движения за свободу совести в СССР.

The article examines the activities of the Seventh Day Adventists religious community (SDA) in Western Siberia. The causes of the internal dissidence are analyzed. The relationship of this Protestant movement with local authorities and its contribution to the movement development for freedom of conscience in the USSR are investigated.

Ключевые слова: адвентисты седьмого дня, инакомыслие, свобода совести, церковь и власть, религиозные диссиденты, протестантские общины, Западная Сибирь.

Keywords: Seventh Day Adventists, dissent, freedom of conscience, church and power, religious dissidents, Protestant communities, Western Siberia.

Религиозное течение адвентистов седьмого дня (далее – АСД) возникло в США в сер. XIX в. На территории России сторонники АСД появились в начале XX века, в том числе и в Западной Сибири. Название «адвентисты» происходит от латинского слова «пришествие», в чем и отражается основная идея их веры: скорое Второе пришествие и неминуемость Страшного Суда.

Спасение адвентисты находили в соблюдении 10 заповедей. Внутрицерковные расхождения среди российских адвентистов начались в 1914 г. по поводу шестой заповеди («Не убий»), которую они соблюдают вплоть до неприятия животной пищи. Вступление России в Первую мировую войну и всеобщая мобилизация поставили адвентистов перед проблемой: соглашаться на нарушение этой заповеди в связи с призывом в армию или отказываться от призыва. После Октябрьской революции эти споры на несколько лет были сняты, так как 4 января 1919 г. по декрету, подписанному Лениным, освобождались от воинской повинности люди, которым религиозные убеждения не позволяли брать в руки оружие. Однако позже этот декрет перестал действовать. В 1924 г. на V съезде адвентистов было решено следующее: церковь снимала категорический запрет на ношение оружия, а каждому члену церкви предлагалось самому решать, отказываться ли от службы в армии или соглашаться на нее. Так же поступил V съезд с четвертой заповедью («Помни день субботний»), осложнявшей жизнь адвентистов необходимостью отказываться от прихода на работу в субботу, которая в Советском Союзе была рабочим днем [1].

Ортодоксальные верующие не приняли данную резолюцию, за которой последовал раскол. Не признавшие новых порядков сторонники церкви АСД стали именовать себя «верными и свободными адвентистами седьмого дня» (ВСАСД) и создали отдельную церковь, которая на протяжении всей истории Советского Союза не была признана властью.

В рядах АСД, вынужденно оказавшихся в подполье, стало преобладать радикальное течение – реформизм. Сторонники реформизма тяготели к общественной самоизоляции, а

также для его последователей была характерна склонность к строгому исполнению заповедей «не убий», «помни день субботний». «Реформисты решительно отказывались от службы в армии, других гражданских обязанностей, какой-либо работы или учебных занятий в субботу. В этот день недели они не только сами не выходили на работу, но и удерживали детей от посещения школы, что иногда практиковали и лояльные адвентисты. Многие сторонники ВСАСД годами находились на нелегальном положении. Реформисты строго соблюдали так называемую «санитарную реформу», не только выполняя традиционные для адвентистов пищевые запреты на чай, кофе и т. д., но и отказываясь также от мяса и ряда других продуктов, в основном животного происхождения» [2].

На рубеже 1950–1960-х гг. притеснения церкви в Советском Союзе возобновились с новой силой после непродолжительного затишья и возрождения духовной жизни страны. Это коснулось как официальной Русской православной церкви, так и любых других религиозных течений. В 1960 г. ВСАСД была запрещена в СССР из-за «несоблюдения им религиозного законодательства». Церковь адвентистов разделилась на два течения, которые старались найти выход из сложившейся ситуации: одно течение возглавили С. П. Кульжский, А. Ф. Парасей, другое – Д. К. Колбач и П. А. Мацанов. Власть эти течения поочередно объявляла то реакционными, то умеренными и таким образом сталкивала противников.

В 1967 г. кризис в церкви АСД еще более усугубился в связи с полной ликвидацией руководящего центра адвентистов. Властями было разрешено регистрировать общины адвентистов автономно, без легально руководящего центра [3]. Такое положение общин, разумеется, подрывало их статус, поскольку зарегистрированного центра они были лишены.

Целенаправленная политика религиозного руководства породила в рядах адвентистов глубокий внутренний кризис, приведший к расколу. Вследствие чего многие активисты адвентизма ушли в подполье. Так, П. А. Мацанов и Д. К. Колбач организовали подпольный «Корпус проповедников» в качестве духовного центра адвентистов. Со стороны властей начались гонения, считавшие эту группировку «экстремистской» [2].

Главой такого рода общины адвентистов и ее активным проповедником в Томске был Я. П. Дмитриенко, который поддерживал тесную связь с П. А. Мацановым, периодически приезжая в г. Томск. Я. П. Дмитриенко укреплял связи с действующей религиозной организацией адвентистов и вместе с ее руководителями согласовывал планы дальнейшей работы [4, л. 86].

Религиозная организация адвентистов 7-го дня в г. Томске в 1967 г. насчитывала в своих рядах около 40 человек. Руководил ею А. Х. Куксгаузен. В этой религиозной группе, как и во многих других, преобладали верующие пожилого возраста. Собственного молитвенного дома АСД не имели, они арендовали частный дом адвентистки Федосьи Гусевой, переоборудовав его в молитвенный. Доходы у адвентистов были скромные, однако десятую часть они отчисляли в фонд мира, который был сформирован для нужд церкви [5, л. 24].

Адвентисты, как и многие другие протестантские общины, большое внимание уделяли изданию религиозной литературы самиздатовским способом. В 1972 г. у адвентистов седьмого дня Новосибирска и Бердска было обнаружено большое количество самиздатской литературы, значительную часть которой составляли различные машинописные комментарии библейских текстов и проповедей: «Библейские беседы», «Молитвенные чтения», «Темы молитвенной недели», «Темы молитвенных суббот» [6, л. 50]. Как правило, при обысках подобная литература изымалась у ее владельцев.

Периодически адвентисты под различными предлогами поддерживали связь с другими регионами. Так, в августе 1968 г. в Томск из Львова приезжала группа из 19 адвентистов под видом собаководов, используя для этого организованную областную выставку собак. Судя по документам, они провели нелегальные встречи с единоверцами,

где высказались об их безынициативности, говоря о собственном примере, о том, что во Львове они проводят молитвенные шествия, моления на площадях, в парках, призывая тем самым томских адвентистов к активным действиям [4, л. 90]. Однако, судя по количеству АСД в конце 1969 г. – всего 41 чел. [7, л. 1], – добиться большей активности от единоверцев не удалось.

В Новосибирской области в с. Александровка борьбу с религиозными властями возглавлял член группы адвентистов-реформистов Владимир Вознесенский. Он открыто высказывал свое мнение относительно положения религии в Советском Союзе, о губительной для верующих идее коммунизма: «Коммунизм – это кровь людей. От рук советской власти погибли невинные люди, которых называли «кулаками» и их жены, и дети умерли с голоду» [6, л. 50]. За «антиобщественную» религиозную деятельность В. М. Вознесенский отбывал ссылку в Купинском районе [6, л. 50].

Таким образом, группы адвентистов седьмого дня, находившиеся длительное время на нелегальном положении в СССР, испытывали многие трудности в реализации права на свободу вероисповедания. Постоянный разлад со своими единоверцами и отсутствие у АСД руководящего органа вынуждало их регистрироваться автономно. Только лишь в конце 1980-х гг. религиозный центр адвентистов седьмого дня начал возрождаться.

В Западной Сибири представителей этой конфессии было немного, поэтому серьезного влияния на изменение своего положения и отношение к себе властей они оказать не могли. Однако даже единичные случаи выражения несогласия вызывали последующие репрессивные действия местных властей. Сам факт веры в бога, проведение каких-либо обрядов для советской власти воспринимались как нарушение постановления о религиозных объединениях. Со стороны данной группы верующих наиболее распространенными методами борьбы были религиозный самиздат и незаконные молитвенные собрания.

Литература

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/books/alexeewa/chapter14.htm> (дата обращения: 30.10.2019).
2. Никольская Т. К. Советская религиозная политика и борьба с протестантским подпольем в 1960–1980-е годы. URL: <http://humane.net.ru/content/советская-религиозная-политика-и-борьба-с-протестантским-подпольем-в-1960–1980-е-годы> (дата обращения: 06.06.2016).
3. Из истории церкви адвентистов седьмого дня. URL: <http://soteria.ru/s3128/> (дата обращения: 07.04.2016).
4. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р. 1786. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАТО. Ф. Р. 1786. Оп. 1. Д. 358.
6. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 119.
7. ГАТО. Ф. Р. 1786. Оп. 1. Д. 255.

УДК 655 (091)(571.122) «1950/1970»

Давыдова А. О.
Davydova A. O.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970-Е ГГ.

SOME ASPECTS OF PUBLISHING PRACTICE FORMATION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1950s–1970s

В статье рассматриваются проблемы формирования издательской деятельности в период промышленного освоения севера Западной Сибири. На основе исследования архивных и других документов описываются особенности организации выпуска печатных изданий ресурсами полиграфической базы, сформированной в основных административных и промышленных центрах региона.

The article describes the problems of formation of publishing during industrial development of the North of Western Siberia. Based on the study of archival and other records the features of publication management of printed editions by printing establishments formed in the main administrative and industrial centres of the region are described.

Ключевые слова: газета, книга, типография, полиграфическое предприятие, издательская деятельность.

Keywords: newspaper, book, printing house, printing establishment, publishing.

Издательская практика в ХМАО – Югре и ЯНАО уходит своими корнями в 1930-е годы, к истокам выхода в свет первых номеров местных газет. Важнейшей предпосылкой появления издающих организаций в регионе стало промышленное развитие северных районов Западной Сибири.

К середине 1950-х гг. основными предприятиями, выпускавшими полиграфическую продукцию, были типографии, на станках которых печатались местные газеты. Так, в 1954 г. здесь действовало 8 типографий. Самыми крупными из них были окружные – Салехардская и Ханты-Мансийская. В каждой типографии трудились 4 сотрудника. В остальных полиграфических предприятиях числились 1-2 штатные единицы [1]. В связи с промышленным развитием региона возникла потребность в увеличении выпуска печатной периодики и расширении полиграфической базы. Так, в 1963 г. на территории региона действовало уже 10 типографий, в которых печатались местные газеты [2].

Определенный рост мощностей полиграфической базы наметился в 1970–1980-х гг. Увеличению объема выпуска местных газет и журнальной продукции способствовал рост населения, обусловленный интенсивным развитием нефтегазового комплекса на территории ХМАО – Югры и ЯНАО. В связи с этим Управлением издательств, полиграфии и книжной торговли Тюменского облисполкома были разработаны «Мероприятия по развитию полиграфического производства и книжной торговли в районах нефтедобывающей промышленности» [3].

Так как значительная часть типографий размещалась в непригодных, зачастую аварийных помещениях, в первую очередь было решено просить Госплан и Комитет по печати при Совете Министров РСФСР выделить за счет государства необходимые средства на строительство типографий в округе. Судя по «Титульному списку» вновь намечаемыхстроек на 1971–1975 гг., планировалось ввести в строй, прежде всего, Сургутскую, Кондинскую и Октябрьскую типографии [4]. Таким образом, в 1975 г. насчитывалось уже 15 типографий [4], а в 1986 г. – 19 [5].

Однако имеющаяся полиграфическая база не отвечала требованиям жителей динамично развивающегося севера Западной Сибири. Так, например, Салехардская типография находилась в приспособленном обветшавшем здании деревянной церкви. В 1957 г. она переехала в другое помещение – бывший театр 501-й стройки железной дороги. На первом этаже переоборудованного помещения разместилась типография, а на втором – редакция газеты «Красный Север» [6, с. 24]. Типографии Ханты-Мансийска, Сургута и Березова также размещались в ветхих, не подлежащих ремонту помещениях, построенных еще в 1930-е гг., в связи с чем Управление по печати Тюменского облисполкома предусматривало строительство новых зданий для этих типографий в 1966 г. с проектной мощностью Ханты-Мансийской и Сургутской типографий по 3 млн печатных листов-оттисков, а Березовской – 1 млн печатных листов-оттисков [7].

Вместе с тем типографии испытывали недостаток в специальном оборудовании. Так, например, в 1966 г. Шурышкарская и Ямальская районные типографии имели всего по 1 печатной машине, на которой печатались газеты. Оборудование типографии Сургута, становившегося центром нефтяной промышленности, состояло всего лишь из 1 плоскочечной машины ПС-1 и 1 тигельной машины. Типографии региона остро нуждались в цветных красках, белилах и запасных частей к имеющимся полиграфическим машинам. Кондинская, Шурышкарская и Ямальская районные типографии не имели линотипов, и набор текстов производился ручным способом [8]. Лишь с появлением электроснабжения появилась возможность перехода с ручного на машинный набор. Однако электричество зачастую давало сбой. Ветеран Ханты-Мансийской окружной типографии Валерий Александрович Ходырев вспоминает: «В 1950-е гг. было нестабильное электроснабжение, что приводило к остановке линотипов. Что делать? Линотиписты переходили на ручной набор. Мы не уходили с работы до тех пор, пока не была готова газета» [9, с. 26].

В Сургутской типографии набор также осуществлялся вручную при свете керосиновой лампы вплоть до начала 1950-х гг. Бригадир полиграфистов в 1952–1954 гг. Анфуза Ивановна Овсянкина отмечала трудности такой работы: «Готовые газетные полосы шли на просмотр цензору – директору школы Михаилу Ивановичу Кочеткову. Принесут от него газету – всю испачканную, исправленную. Берешь шило и правишь – меняешь буквы. Однажды заключенный в рамку текст покосился и чуть не рассыпался. На правку ушла вся ночь. Редактор Петр Лежнев зашел в цех, посмотрел, сказал, что подпишет текст утром и ушел, а я всю ночь напролет устраняла брак» [10, с. 7]. В начале 1950-х гг. в типографии появился девятисильный мотор с электроприводом мощностью до 5 киловатт. Его поместили в специально построенное небольшое деревянное здание. Силовая установка вырабатывала электричество, которого хватало для работы печатного станка и пяти электроламп. В 1957 г. типографские машины стали работать от сургутской электростанции, что практически устранило перебои печатных машин [10, с. 7].

Как уже отмечалось выше, типографии предназначались для печати местных газет, а с появлением производственных предприятий геологов, нефтяников, строителей и газовиков они стали выполнять заказы на изготовление бланочной продукции. Вместе с тем в 1960-е гг. уже предпринимались единичные попытки издательской деятельности. Так, например, в 1961 г. Ханты-Мансийская типография получила заказ на выпуск посвященного 30-летию образования автономного округа сборника, который был вручен участникам юбилейных торжеств [9, с. 32].

Начатые в стране в 1960-х гг. экономические реформы ставили полиграфические предприятия в условия хозрасчета. К этому обязывал целый ряд указов и постановлений ЦК КПСС, вышедших в 1960–1970-е гг. – «О мерах по улучшению издательской деятельности и устранению недостатков в книжной торговле» (1964), «Об упорядочении издательской деятельности министерств, комитетов, ведомств и организаций» (1966), «О повышении рентабельности книгоиздательского дела» (1970) и др. Однако

полиграфические предприятия севера Западной Сибири преимущественно были ориентированы на печать средств массовой информации. Между тем новые производственные промпредприятия региона нуждались уже не только в бланочной печатной продукции, им требовалась издательская продукция, рассказывающая об их деятельности и достижениях.

Так, например, в начале 1970-х гг. Сургутская типография начала заниматься производством буклетов, получив первый заказ от треста «Запсибэлектросетьстрой», который внедрял новую технологию установки опор ЛЭП с применением вертолета при монтаже опор. Руководитель этого предприятия И. А. Киртбая впервые решил применить эту технологию и готовился представить опыт сургутян на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства, для чего решил издать буклет.

Коллектив Сургутской типографии взялся за совершенно новый для себя вид деятельности и выполнил его в течение трех суток. Через некоторое время Сургутская типография приняла еще один заказ на изготовление буклета, посвященного 10-летию Сургутского УБР-1 [10, с. 21]. Постепенно буклеты в этой типографии стали выпускаться на регулярной основе, что также послужило предпосылкой к развитию издательской деятельности.

Первые попытки сургутских полиграфистов по выпуску книги были осуществлены в 1974 г. Как вспоминает ветеран сургутской журналистики Зоя Сергеевна Сенькина: «Лицензии на выпуск книг типография не имела, а значит, выпускать их не могла. Но как было отказать журналисту И. П. Захарову, который с другими авторами подготовил одну, а потом вторую небольшую книжку об истории Сургута? Директор типографии Валентин Сенькин на свой страх и риск принял такой заказ, оформив его как бланочную продукцию» [11, с. 215]. Так увидела свет книга в 58 страниц «Краткий очерк истории Сургутской партийной организации: в помощь лектору и пропагандисту». В 1975 г. в Сургутской типографии была напечатана еще одна книга И. П. Захарова «Сургут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в помощь лектору, пропагандисту, политинформатору и агитатору» объемом 48 страниц. Издание книг местных краеведов было характерно не только для Сургутской, но и для Ханты-Мансийской типографии. Так, например, в 1974 г. вышла книга в 56 страниц для служебного пользования «Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах)» [12].

Таким образом, в результате возникшей потребности местных органов власти, предприятий и организаций в краеведческой литературе в 1970-е гг. были осуществлены первые попытки издания брошюр и книг, носившие эпизодический характер. Вместе с тем, сформировавшаяся к 1960-м гг. полиграфическая база и первые печатные издания стали основой для становления и развития систематической издательской деятельности на севере Западной Сибири.

Литература

1. ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 23. Л. 34.
2. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 92. Л. 18.
3. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 176. Л. 65.
4. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 264. Л. 139.
5. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 461. Л. 51.
6. Бешкильцев А. Ф. Наследие : сборник. Салехард : Красный Север, 2005. 44 с.
7. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 92. Л. 34.
8. ГАТО. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 110. Л. 15.
9. Патранова В. В. Годы и люди: Ханты-Мансийской окр. типографии 65 лет. Ханты-Мансийск : Н. И. К., 1996. 116 с.

10. Кондрякова Г. Дорога длиною в 70 лет. Сургут : Сургут. тип., 2004. 127 с.
11. Непрошедшее время. Популярное историко-краеведческое издание. Омск : Омскбланкиздат, 2014. 242 с.
12. Экономика и культура Ханты-Мансийского национального округа в годы девятой пятилетки (в цифрах). / Стат. упр. Ханты-Манс. окр. Тюм. обл. Ханты-Мансийск : [б. и.], 1976. 145 с.

УДК 027.8(091)(571.122)

Кирилюк Д. В.
Kirilyuk D. V.

**ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ЮГРЫ
В 1985–1991 ГГ.**

**DEBATABLE QUESTIONS OF SCHOOL LIBRARIES' HISTORY OF UGRA
IN 1985–1991**

Статья посвящена исследованию основных проблем работы библиотек в школах Ханты-Мансийского автономного округа накануне распада СССР. Автор на основе архивных документов выявляет многочисленные противоречия, связанные с количеством школьных библиотек и численностью библиотекарей в округе, выявляет уровень квалификации этих работников, а также основные трудности в их работе. Делается вывод о высоком уровне развития библиотечного дела в школах Югры.

The article is devoted to the study of the main problems of libraries in schools of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug around the collapse of the USSR. The author reveals numerous contradictions related to the number of school libraries, as well as librarians in the Okrug, exposes the occupational level of these workers in addition to the main difficulties in their work based on archival documents. The conclusion about the high level of development of library services in schools of Ugra is made.

Ключевые слова: школа, школьная библиотека, библиотекарь, книжный фонд, учебник.

Keywords: school, school library, librarian, book collection, textbooks.

Качественная организация библиотечного дела в школах напрямую влияет на улучшение содержания и результатов учебно-воспитательного процесса. Следует отметить, что вопросы наполнения школьных библиотек в течение многих десятилетий не относились к числу первостепенных для общеобразовательных учреждений Ханты-Мансийского автономного округа. Происходило это главным образом потому, что долгие годы не были решены гораздо более серьезные проблемы – обеспеченность школьными площадями и учительскими кадрами. Поэтому книжные фонды школ региона пополнялись по большей части бессистемно.

Особенность исторического момента заключалась также и в том, что долгие годы в Советском Союзе не существовало системы бесплатного пользования школьными учебниками. Многие семьи советских граждан в 1960–1970-е гг. сдавали деньги в школах на приобретение учебников либо самостоятельно покупали для своих детей книги, которые впоследствии передавались по наследству младшим братьям и сестрам. Часто одновременно использовались тот и другой пути решения этой проблемы. Лишь 24 ноября 1977 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1029 «О переходе на бесплатное пользование учебниками учащихся общеобразовательных школ» [2, л. 59].

После этого в школах страны в целом и Ханты-Мансийского округа в частности началась интенсивная подготовительная работа по переходу на бесплатное пользование школьными учебниками. В дополнение к постановлению партии Министерством просвещения РСФСР был издан приказ «О введении в действие нового порядка издания учебников для общеобразовательных школ РСФСР», с которым были ознакомлены педагогические коллективы российских школ. График перехода на бесплатное

пользование учебниками был своевременно доведен также до учителей, родителей и самих учащихся [2, л. 59].

В связи с данными решениями большое значение приобретала качественная работа кадров школьных библиотек. Следует обратить внимание на чрезвычайную противоречивость разнообразных справок, информации и отчетов окружного отдела народного образования по общей численности и качественному составу работников школьных библиотек. Более того, характер представляемой окружным отделом народного образования (окроно) отчетной информации позволяет нам утверждать о наличии не только противоречий, но и некоторых манипуляций со статистикой.

Во-первых, вызывает путаницу представляемая в подобных документах Ханты-Мансийским окружным отделом народного образования информация об общей численности общеобразовательных школ Югры. В двух разных отчетах, говоря о количестве школьных библиотекарей в 1985 г., указываются цифры в 204 и 205 общеобразовательных школ округа [3, л. 1; 2, л. 59]. Это позволяло местным властям говорить об относительно неплохом состоянии школьного библиотечного дела.

Интересен тот факт, что только второй вариант с общей численностью школ в 205 единиц позволяет нам говорить о возможной достаточности школьных библиотекарей в общеобразовательных учреждениях Югры в начале «перестройки». Подобный вывод мы делаем, исходя из того, что в этом же документе («Информация Ханты-Мансийского окроно о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о переходе на бесплатное пользование учебниками учащихся общеобразовательных школ») указывается на наличие в ХМАО 215-ти библиотекарей, т.е. более одного на учебное заведение [2, л. 59].

Даже если принять во внимание эту версию, уровень квалификации школьных библиотекарей не был достаточно высоким. Лишь три человека из 215-ти имели высшее библиотечное образование, т.е. всего 1,4 %. 120 библиотекарей числились как лица со «средним библиотечным образованием». В данном случае затруднительно говорить, о чем именно шла здесь речь. Остальные библиотекари в графе «образование» имели следующие записи: «высшее педагогическое образование» – 50 человек, «среднее педагогическое образование» – 32 человека, «общее среднее образование» – 10 человек [2, л. 59].

Однако сводные статистические отчеты окрайгороно о численности педагогических кадров в округе за тот же 1985 г. позволяют усомниться даже в этой, на первый взгляд, благополучной картине. Данные отчеты Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования недвусмысленно указывают на то, что количество школьных библиотекарей в крае в годы «перестройки» не соответствовало реальным потребностям в этих специалистах. Так, в 1985 г. на 204 общеобразовательных учреждения округа приходился всего 131 библиотекарь [3, л. 1].

То есть школы региона были обеспечены данными кадрами всего на 64,2 %. В наиболее тяжелом положении были сельские школы края, где дефицит школьных библиотекарей был еще более значительным. Так, в том же 1985 г. в 89 школах в сельской местности приходилось только 27 библиотекарей. Получается, что лишь 30,3 % сельских школ имели в штате собственных библиотекарей [3, л. 4].

Наконец, главной неточностью приведенных выше документов является информация о численности школ Ханты-Мансийского автономного округа. Даже в первом варианте «Информации Ханты-Мансийского окроно...» по состоянию на июль 1985 г. приводится цифра в 240 общеобразовательных школ Югры [2, л. 59]. В таком случае остается загадкой, почему далее автор считает школьные библиотеки уже только по 205 учреждениям. Однако уже это говорит о весьма вероятной нехватке в округе работников библиотечного дела для школ. Обеспеченность ими местных школ, таким образом, составляла только 89,5 %.

В реальности же количество школ в Югре в это время стремительно возрастает. Например, согласно справке по народному образованию округа за 1985 г., общее число школ в ХМАО достигло 251 единицы, из них средних – 144 [2, л. 8]. Соответственно, обеспеченность кадрами библиотекарей могла быть еще ниже, не более 86 %. Если же брать во внимание «Сводные статотчеты окррайгороно за 1985 г.», то общая ситуация выглядит еще более драматично: обеспеченность библиотекарями снижается до 54,6 % и даже до 52,2 %, если численность школьных библиотекарей составляла 131 человек.

Выходит, что разница данных в статистических отчетах является беспрецедентной. Обеспеченность югорских школ школьными библиотекарями составляла от 52,2 % до 104,9 %! Как же разрешить данное противоречие? На наш взгляд, за отправную точку отсчета мы должны все же брать данные об общем количестве школ в крае на момент июля 1984 г., а также, несмотря на их спорность, сведения о 215 югорских школьных библиотекарях, т.к. фактически эти данные следуют из одного отчета. Тогда наиболее вероятная обеспеченность библиотекарями школ будет равняться 89,6 %.

Если же говорить о характеристике школьных библиотекарей Югры, то они, как и в других регионах страны, в подавляющем большинстве случаев были представлены специалистами-женщинами. Например, в том же 1985 г. в ХМАО все (131) школьные библиотекари были женщинами [3, л. 1]. Их уровень образования, по сравнению с другими школьными работниками, как правило, был существенно ниже. Так, в начале «перестройки» лишь 30 школьных библиотекарей (22,9 %) имели высшее образование [3, л. 1]. Более того, в сельских школах и вовсе отсутствовали библиотекари с высшим образованием [3, л. 4]. Согласно же «Информации Ханты-Мансийского окроно...», доля библиотекарей с высшим образованием (специальным либо педагогическим) составляла 24,6 % [2, л. 59]. К сожалению, данные о стаже работников школьных библиотек за 1985 г. в официальных документах отсутствуют. Однако очевидно, что большинство из них находились в пожилом, предпенсионном и пенсионном возрастах.

В конце «перестройки» в связи с кризисом государственной власти в СССР многие документы, бывшие прежде обязательными для заполнения и передачи в архивные службы, перестали таковыми являться в органах народного образования Югры. Поэтому мы не можем в полной мере проследить эволюцию численности и качественного состава школьных библиотекарей ХМАО в начале 1990-х гг. Сделать это можно главным образом на основе отчетов отдельных районных и городских отделов народного образования.

Имеющиеся данные позволяют нам с высокой степенью достоверности утверждать, что заметного недостатка в библиотекарях в школах Югры не наблюдалось. А общий уровень образования школьных библиотекарей остался примерно в тех же значениях, что и в начале «перестройки». Так, в 1990 г. в пяти школьных библиотеках города Радужный работало 10 библиотекарей, из которых только трое (33 %) имели высшее библиотечное образование [5, л. 51].

Несколько хуже в это же время было положение с библиотечной работой в школах Березовского района. Лишь в тех общеобразовательных учреждениях, где работали опытные кадры, школьные библиотеки функционировали эффективно. Однако в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств (болезнь или декретный отпуск специалиста) заменить их было попросту нечем, т.к. на данных должностях работали люди со средним образованием, которые к тому же параллельно учились в вузах. Вследствие этого качество работы данных структур резко снижалось [5, л. 126].

Даже на соответствующих должностях в самих отделах народного образования ситуация была схожей. К примеру, в 1990 г. имелись вакансии среди методистов по книге в некоторых отделах народного образования округа. В их числе был Октябрьский район, в результате чего на этой территории существенно ослаб контроль за работой школьных библиотек и сохранностью фондов учебной литературы [5, л. 7–8].

В связи с этим окружные государственно-партийные власти, а также руководители отдела народного образования края были заинтересованы в проведении ряда мероприятий, направленных на повышение квалификации действующих работников школьных библиотек. В первую очередь совместно с Институтом усовершенствования учителей округа проводились курсы и семинары для методистов и школьных библиотекарей по библиотечным фондам [2, л. 59]. Однако далеко не во всех населенных пунктах и территориях Ханты-Мансийского автономного округа повышение квалификации работников школьных библиотек соответствовало ожиданиям руководства. К примеру, в 1985 г. отделы народного образования г. Нефтеюганска, Ханты-Мансийского и Нижневартовского районов критиковались за то, что не создали необходимых условий для работы методистов по библиотечным фондам [2, л. 61–62].

Тем не менее имеющиеся кадры позволили школьным библиотекам проводить учет учебников в соответствии с инструкцией Министерства просвещения РСФСР № 32 от 1978 г. Так, по состоянию на июль 1985 г. книжный фонд школьных библиотек Югры составлял около 3 млн экземпляров, из которых учебников – 1 млн 470 тыс. 500 экземпляров [2, л. 59–60]. Несложно подсчитать, что в среднем на одну школу в ХМАО приходилось 12 500 книг и 6 127 учебников.

По утверждениям окружных властей подобные данные позволили уже в 1984–1985 уч. г. обеспечить книгами все школы Югры на 100–110 % [2, л. 60]. Чтобы подтвердить это утверждение, достаточно сказать, что в конце 1985 г. в Югре работала 251 школа, где обучались 157 тыс. 187 учащихся [2, л. 8]. Исходя из этих цифр, можно подсчитать, что в среднем на одну школу в крае приходилось 626 учеников. То есть на каждого ученика в 1985 г. в Ханты-Мансийском автономном округе приходилось почти 20 книг и почти десять учебников, что действительно соответствовало годовым нормам.

Главной причиной этих успехов была хорошо налаженная система финансирования книжных закупок. В годы «перестройки» руководство школьным образованием округа ежегодно полностью расходовало государственные ассигнования на приобретение необходимых школьных учебников [2, л. 60]. С другой стороны, достигнутые результаты, несмотря на их значимость, не могли быть постоянными. В округе продолжался стремительный рост численности как самих школ, так их учащихся в них. Поэтому требовались немалые усилия, чтобы сохранить такую же обеспеченность детей книгами. Неслучайно уже в 1985 г. на официальном уровне прозвучала информация о том, что ежегодно школы округа испытывали нехватку учебников иностранного языка. Однако виновниками этого были названы торгующие организации, которые не выполняли подготовленные школами заявки [2, л. 60].

Дальнейший ход событий показал, что в условиях нарастания экономических трудностей в стране властям не удалось в полной мере обеспечить книгами и учебниками школы ХМАО. Подтверждением этому стали откровения отдельных школьных работников о недостаточности книг в образовательных учреждениях Югры. Так, в 1988 г. учитель школы № 3 г. Белоярский К. Ф. Касьян заявил о том, что у них «очень мало литературы, необходимой ребятам» [1, л. 94]. О перебоях с поставками учебников в 1990 г. сообщали также библиотеки средних школ поселка Игрим Березовского района [5, л. 126].

В определенном смысле в этом не было ничего удивительного, ведь именно в годы «перестройки» школьная сеть Ханты-Мансийского автономного округа стала увеличиваться стремительными темпами. Уже в 1991 г. она составляла 343 учебных заведения [6, л. 5], то есть возросла по сравнению с 1985 г. более чем на сто общеобразовательных учреждений или почти на 30 %! Столь же впечатляющим был и рост количества югорских школьников – со 157 до 232 тысяч человек [6, л. 5], то есть на 47,8 %.

Важно также понимать, что произошедший рост привел и к увеличению средней численности учащихся в одной школе округа. К 1991 г. она составляла уже 676 учеников [6, л. 5], что на 89 человек превышало показатели 1985 г. Выходит, что для того, чтобы

сохранить прежнюю обеспеченность югорских детей книгами, общий книжный фонд должен был также увеличиться по сравнению с 1985 г. на 35–36 %, что означало более 1 млн новых книг для школьных библиотек.

Ситуация дополнительно осложнялась тем, что многие семьи приезжали в ХМАО самостоятельно, без уведомления каких-либо местных органов власти. Поэтому точно запланировать необходимую литературу на всех детей для школ региона было практически невозможно. Неслучайно в начале 1990-х гг. в округе резко обострилась проблема оформления заказов на новые учебники и учебно-методическую литературу. Так, например, в 1991 г. некоторые города и районы Ханты-Мансийского автономного округа так и не подали сведений о предполагавшихся к обучению контингентах учащихся.

Вследствие этого окружное управление народным образованием окрисполкома было вынуждено подать планы по прошлогодним данным, которые, конечно же, к тому времени далеко не соответствовали действительности. С наиболее неблагоприятной стороны в данном вопросе проявили себя школы Нижневартовска и Сургута, где наблюдался самый большой рост численности учащихся. Руководители местных отделов народного образования даже были вышестоящим начальством предупреждены [4, л. 118–119]. Очевидно, что предоставить точные цифры будущих контингентов школьников в подобных условиях было невероятно трудно.

Недостаток учебников по отдельным школьным дисциплинам, а также политика экономии, неоднократно провозглашавшаяся советским руководством в годы «перестройки», дали дополнительный импульс многочисленным мероприятиям в местных школах по повышению сроков использования книг в школьных библиотеках. Одним из них был окружной смотр-конкурс «Учебнику – долгую жизнь», проводившийся в школах Югры еще с 1970-х гг. Подобные соревнования, безусловно, способствовали улучшению внешнего вида многих книг и учебников.

В некоторых общеобразовательных учреждениях в организации данной деятельности особенно преуспели. Так, наиболее успешно работа по сохранности книжного фонда была организована в середине 1980-х гг., как указывают документы, в школах № 2, 3, 4, 5, 6 г. Нижневартовска, № 2, 5 г. Нефтеюганска, № 2, 9 и № 10 г. Сургута, № 4 и 5 г. Урая, Игримской школе Березовского района, Таежной школе Советского района и Сергинской школе Октябрьского района [2, л. 61]. Здесь проводилась не только разъяснительная работа со школьниками с целью пропаганды бережного отношения к книге, но также библиотечные уроки по всем классам, были оформлены сменные стенды «Учебнику – долгую жизнь», а также функционировали кружки переплетного дела [2, л. 61].

Конечно же, как это часто бывает в крупных организациях и системах, не обошлось и без формального подхода в проведении подобных конкурсов. Педагогические коллективы многих школ, по мнению методического кабинета Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования, не выстроили системы в работе педагогических коллективов по воспитанию у учащихся бережного отношения к учебной книге. Список городов и районов ХМАО, уличенных в таком отношении к делу, включал в себя Ханты-Мансийск, Сургут, Мегион, Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутский районы, т.е., по сути, едва ли не половину территории округа [2, л. 62].

Следует отметить, что контроль за этой деятельностью осуществляли районные и городские отделы народного образования Югры. Ежегодно они анализировали процент обеспеченности учебниками, а в конце каждого года подводили итоги и подсчитывали процент сохранности выделенных для школ учебников [2, л. 60]. Именно они, в конечном счете, способствовали распространению опыта отдельных педагогических коллективов края по повышению сроков использования книжных фондов школ.

Кроме того, с целью улучшения деятельности школьных библиотек в Ханты-Мансийском автономном округе они ежегодно пополнялись специальным оборудованием.

Отдельные книгохранилища выделялись под фонды учебников и художественной литературы. Проводилась также планомерная работа по увеличению количества посадочных мест в читальных залах [2, л. 59].

С другой стороны, не все общеобразовательные школы региона в 1985–1991 гг. в полной мере были обеспечены необходимой материально-технической базой для качественной работы собственных библиотек. Так, в 1985 г. возникли проблемы с выделением книгохранилищ под фонд школьных учебников в Нижневартовском, Сургутском и Нефтеюганском районах [2, л. 62].

Более того, как указывают документы, перечисленные выше проблемы не являлись темой для большого беспокойства руководства и самих общеобразовательных учреждений Тюменского Севера. Во всяком случае, по данным окроно, методические кабинеты при отделах народного образования края редко проводили какие-либо семинары с руководителями школ и учителями по реализации решений правительства РСФСР 1977 г. [2, л. 62]. Причем эта ситуация так и не изменилась к концу рассматриваемого периода. Это подтверждается проверками работы школьных библиотек г. Радужный, Березовского, Белоярского и Октябрьского районов в 1990 г. [5, л. 7–8, 51–52, 126–127, 158–159].

Таким образом, следует заключить, что библиотечное дело в школах Ханты-Мансийского автономного округа в 1985–1991 гг. в целом было организовано на достаточно высоком уровне. Предпринимались многочисленные меры по улучшению материальной базы школьных библиотек, позволившие в годы «перестройки» сделать ее приемлемой для работы.

Тяжелее решался вопрос о работниках для библиотек. Несмотря на то, что к началу 1990-х гг. удалось ликвидировать частичную нехватку кадров школьных библиотекарей, отмечавшуюся в 1985 г., полностью обеспечить школы и отделы народного образования края подобными специалистами окружным властям все же не удалось. Сохранились также вопросы и к уровню образования специалистов библиотечного дела.

По похожему сценарию проходила также работа по обеспечению школьных библиотек края необходимой учебной литературой. С одной стороны, властям ХМАО удалось в течение рассматриваемого периода довести количество книг и учебников в югорских школах до требуемых значений. С другой стороны, не были ликвидированы перебои в поставках нужной литературы для ряда школ как промышленно развитых, так и сельских территорий региона. Однако в целом, учитывая глубокий кризис всех сторон советского общества во второй половине 1980-х гг., достигнутые результаты были более чем впечатляющими.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2766
2. Государственный архив Югры (далее – ГАЮ). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771.
3. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 780.
4. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 882.
5. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 883.
6. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 910.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоус Павел Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Pavel V. Belous – PhD (History), Senior Lecturer, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: thinkertgs@gmail.com

Веселов Севостьян Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет; библиотекарь МБУК «Централизованная библиотечная система», г. Сургут

Sevostyan I. Veselov – PhD (History), Assistant Professor, Department of Russian History, Surgut State University; Municipal Budgetary Cultural Institution “Centralized Library System”, Surgut

E-mail: veselov19920304@mail.ru

Давыдова Анжелика Олеговна – заведующий отделом изучения историко-культурного наследия и традиционных ремесел, историко-культурный центр «Старый Сургут»

Anzhelika O. Davydova – Head, Study of Historical and Cultural Legacy and Traditional Crafts Department, Historical and Cultural Centre “Old Surgut”

E-mail: snezh-ok1@yandex.ru

Задорожная Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Olga A. Zadorozhnaya – PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: zadorozhniaya.olga@yandex.ru

Исаев Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Viktor I. Isaev – Doctor of Science (History), Professor, Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

E-mail: history49@mail.ru

Кирилюк Денис Валериевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Denis V. Kirilyuk – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: DenKik@rambler.ru

Книжников Вячеслав Александрович – аспирант кафедры истории России, Нижневартровский государственный университет

Vyacheslav A. Knizhnikov – Postgraduate, Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University

E-mail: kniznicov.1995@yandex.ru

Кузнецова Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Anastasiya A. Kuznetsova – Assistant, Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: smirnova_aa@list.ru

Курносков Валерий Валерьевич – аспирант кафедры истории России, Сургутский государственный университет; учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 22 г. Сургут

Valery V. Kurnosov – Postgraduate, Department of Russian History, Surgut State University; Teacher of History, Secondary School No. 22, Surgut

E-mail: wampovorot@mail.ru

Меркулова Лариса Васильевна – студент, Сургутский государственный университет

Larisa V. Merkulova – Student, Surgut State University

E-mail: lara.merkulova.99@mail.ru

Попок Виктория Александровна – магистр истории, учитель истории, Сингапайская средняя общеобразовательная школа

Viktoriya A. Popok – Master of Science (History), Teacher of History, Singapai Secondary School

E-mail: Vikki86RUS@yandex.ru

Прищепа Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, профессор кафедры истории России, Сургутский государственный университет

Aleksandr I. Prishchepa – Doctor of Science (History), Professor, Honoured Worker of Science of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra Professor of Department of Russian History, Surgut State University

E-mail: aiprishepa@yandex.ru

Тимошенко Альбина Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Albina I. Timoshenko – PhD (History), Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

E-mail: timoshenkoai@ngs.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: science.journals@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32

89221234567

печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.
5. Ключевые слова (3-6 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белоглазова Т. В., Ставрук М. А.

Beloglazova T. V., Stavruk M. A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Key words: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психоллингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библиограф. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гушин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1/2 (41/42)
2019

Подписано в печать 03.12.2019 г. Дата выхода в свет 11.12.2019 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,2.
Тираж 100. Заказ № 300.

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала
«Северный регион: наука, образование, культура»
(3462) 762-988

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.

Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Цена свободная.